

Дмитрий Валентинович Янковский

Побочный эффект

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120292

Побочный эффект: Эксмо; Москва; 2004

ISBN 5-699-07737-5

Аннотация

Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Олег Шерстюк, герой романа Дмитрия Янковского, усвоил эту прописную истину плохо, иначе ему и в голову не пришло бы влезать в смертельно опасные авантюры и начинать игры со спецслужбами. Однако приобретенные Олегом в результате секретного научного эксперимента сверхъестественные способности позволяют ему на равных бороться с государственными структурами, пытающимися превратить его в подопытного кролика.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	59
ГЛАВА 3	129
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Дмитрий Янковский

Побочный эффект

ГЛАВА 1

Темнота наступила внезапно, словно кто-то спрятал заваленный снегом город под закопченным колпаком. Трескучий мороз заставлял втягивать голову в плечи и выше поднимать воротник куртки. Олег укутал лицо махровым шарфом до самого носа, но и это почти не спасало, – намокнув от выдыхаемого пара, шарф быстро покрылся искрящимся бисером льда. Сияние разноцветных реклам и оранжевых уличных фонарей трепетало в ледяных бусинках, напоминая игру света на гранях алмаза, но это не делало Олега богаче – денег в кармане почти не осталось.

Вместо тупого мотания по промерзшему городу хотелось купить бутылку дешевой водки, запереться дома, задрать все люки, чтобы ни о чем не знать, ни с кем не знакомиться и не встречаться, и погрузиться в утомительные утехи спиртового угара. Но денег на водку не было. А завтра вернется Шерстка, снова спросит об успехах в трудоустройстве и, услышав ответ, хмуро уйдет в свою комнату, потому что никакого трудоустройства нет, да в общем-то и не предвидится. После ее приезда напиться тоже, скорее всего, не получится,

разве что ночью, когда Шерстка уляжется спать, по обыкновению запершись у себя.

Олег невольно представил, как она лежит на кровати, укутавшись в одеяло, раскидав по подушке пушистые локоны, и ему стало так жалко себя, что сердце отозвалось уже ставшей привычной ноющей болью.

Утоптаный снег сухо хрустел под ногами. Возле метро «Улица 1905 года» было светло илюдно, торговые палатки манили сквозь стекла разнообразием напитков и снеди, яркими упаковками сигаретных пачек, а главное – теплом. Оно было бесплатным, поэтому прельщало сильнее всего.

Олег несколько раз звучно топнул у входа, сбивая с рифленых подошв налипшие комья снега, и, потянув на себя дверь, нырнул в небольшой, отгороженный от зимы мирок. Возле кассы играл радиоприемник. Наручные часы показывали шесть вечера – время назначенной встречи, но спешить не имело смысла. Олег давно усвоил, что опоздание на десять минут только добавляет пришедшему уважения. Можно было постоять и попробовать отогреться.

Музыка кончилась, и на радиоволне пошла короткая сводка новостей. Отогревающиеся пальцы пронзала усиливающаяся боль. За окном мелькали люди, выпуская с дыханием облачка пара, а у самых дверей метро пофыркивала выхлопными газами милицейская машина. Представителя фирмы, с которым Олег планировал встретиться, все еще не было. Мир за стеклом казался кадрами из красивого фильма,

словно все эти люди существовали в отдельной реальности под красочной вывеской: «Посторонним вход воспрещен». И чем меньше оставалось в кармане денег, тем крикливее и насмешливее делалась эта надпись.

Прошло пять минут. По радио передавали погоду.

«В Москве мороз обещает усилиться, и трудно представить, что в американском штате Аризона уже третий день бушует невиданная гроза, – дурачился диджей. – Настоящая летняя гроза с громом и молнией, в общем...»

За спиной раздался голос продавщицы:

– Молодой человек, вы просто греетесь или собираетесь что-то купить?

– Греюсь, – обернувшись, ответил Олег.

– Тогда пройдите на улицу, пожалуйста.

– Я вам мешаю? – удивился он.

– Нет. Но от вас очень неприятно пахнет.

Магазин был по-прежнему пуст. Олег стиснул зубы, широким шагом пересек зал и зло толкнул дверь на улицу. Вокруг головы закружилось облачко пара, оранжевое в свете фонарей. Часы показывали семь минут седьмого. От обиды сделалось настолько жарко, что не пришлось прятать лицо под шарфом. Из низких туч, подсвеченных сиянием города, сыпался крупный пушистый снег, ветра не было, поэтому снежинки падали отвесно, кружась, словно рои насекомых, вокруг ярких городских огней.

Сердце медленно сбавляло темп.

«Черт, – понемногу успокаиваясь, подумал Олег. – Сам виноват. Давно нужно было носки постирать, нельзя же так опускаться».

Он спрятал руки в карманы и поспешил к назначенному месту, привычно втянув голову в плечи.

– Эй, это ты Шерстюк? – послышался за его спиной насмешливый мужской голос.

Олег остановился и неторопливо обернулся. Перед ним стоял высокий мужчина лет сорока пяти, одетый в безупречно черное кашемировое пальто – длинное, ниже колен. Брюки и ботинки его были столь же безупречны, а короткая черная бородка выдавала каждодневные усилия профессиональных цирюльников. Снег падал на его рыжую меховую шапку с болтающимся сзади лисьим хвостом.

– Я Шерстюк, – ответил Олег.

Мужчина придирчиво оглядел его с головы до ног.

– Ты не находишь, что несколько мелковат для охранника? – усмехнулся он, чуть шевельнув могучими плечами.

– Не нахожу. А ваше мнение надеюсь выслушать на собеседовании.

– Хорошо, пойдем. – Мужчина хмыкнул и пружинистой походкой направился прочь от метро.

Олег с трудом поспевал за своим провожатым, оскальзываясь на темных полосах льда, местами выступающего из-под снега. Вдоль этой улицы поддувал ветер, пришлось выше поднять воротник и глубже засунуть руки в карманы. Очень

скоро сияние огней осталось позади, а сугробы вдоль тротуара поднялись выше пояса. Из них торчали окурки, пустые сигаретные пачки и прочий занесенный снегом мусор.

«А в Аризоне сейчас гроза, – завистливо подумал Олег. – Кактусы пейотли и золотая текила. Черт бы побрал эту вечную зиму».

Пройдя три квартала, незнакомец свернул во двор и набрал код на двери одного из подъездов.

– Заходи, Шерстюк. – Он пропустил Олега вперед, а затем обогнал на лестнице. – Что-то ты невеселый какой-то.

– Сосредоточенный, – фыркнул Олег.

Его раздражал этот здоровенный мужик, ему не нравился пустынный подъезд, пронизанный эхом, да и сама идея устроиться на работу по объявлению тоже давно перестала нравиться. Олег делал это скорее по инерции, чем в надежде получить хоть какую-то вакансию.

Поднявшись на третий этаж, незнакомец открыл дверь и пропустил Олега в большой холл, по периметру которого располагалось пять массивных дверей. Обстановка была выдержана в стиле конца девятнадцатого века, причем весьма достоверно – в углу полыхал самый настоящий камин, видимо газовый, поскольку не было видно поленьев. Но подделка не бросалась в глаза, и пламя выглядело вполне натуральным.

– Вадим, – наконец представился незнакомец, опустившись в широкое светлое кресло с гнутыми ножками. – Ты

присаживайся, присаживайся.

Олег уселся на сработанный под старину стул, стоявший рядом с креслом Вадима. Он хотел принять как можно более непринужденную позу, но абсолютно прямая жесткая спинка стула заставила его позвоночник напряженно вытянуться.

– Меня зовут Олег, – стараясь не показать неудобства, сообщил он.

– Это не имеет значения, – усмехнулся Вадим и развалился в кресле, закинув ногу на ногу. – Значит, решил наняться к нам охранником? Почему не в другое место?

– Я пробовал различные варианты.

– Понятно. Не везло. Или зарплата казалась маленькой?

– Нет. Просто после собеседования мне ни разу не позволили, а чаще всего я не получал ответа даже на отправленное резюме.

– Понятно. – Вадим погладил свою короткую бородку. – Ты приехал покорять Москву. Откуда, кстати?

– Это не имеет значения, я уже два месяца как москвич, – начал раздражаться Олег.

– Москвич... – задумчиво вздохнул Вадим. – А носки почему так воняют? Мыла нет или постирать лень?

Олег уже понял, что в этом месте ему тоже ничего не светит, а отвечать на хамский вопрос он посчитал неуместным, как неуместным было бы оправдываться отсутствием средств.

– Если вам не нужен охранник, я пойду, – сказал он, ре-

шитительно вставая со стула.

– Ты погоди, погоди. – Вадим жестом остановил его. – Почему ты выглядишь как бомж подзаборный? Это полоса неудач или принцип жизни?

– Это не твое дело, – не выдержав, огрызнулся Олег. – Все, я пошел.

– Подожди! – вкрадчивым голосом остановил хозяин и чуть наклонился вперед, вынимая из нагрудного кармана золотой «паркер». – Ответь честно на один вопрос, и у тебя тут же появится два варианта: либо я возьму тебя на работу, либо выгоню на мороз, выдав триста рублей.

«Оп-па! – Олег мысленно потер руки. – Просите, и дано будет вам, ищите и найдете. Хоть на выпивку хватит, и то хорошо».

– Задавай свой вопрос. – Олег немного расслабился.

– Зачем ты приехал в Москву? Хочешь стать знаменитым и богатым? Тебе не удалось претворить свои мечты в жизнь дома?

– Дома мне просто нечего было жрать, а у меня, между прочим, архитектурное образование. Но кому оно нужно в занюханной провинции? Я не хочу ничего особенного, мне вполне достаточно работы и зарплаты, которой хватало бы на аренду квартиры и на жизнь. Я мечтаю привезти в Москву жену, оставшуюся дома, потом устроиться по специальности и начать жизнь, достойную человека, а не скотины.

Вадим откинулся на спинку кресла, легкая улыбка трону-

ла его губы.

– Я собирался заплатить тебе за правдивый ответ, а ты выдал заученную формулу, которая, по твоему мнению, повысит шансы устройства на работу. Даю тебе вторую попытку.

Олег почувствовал, как учащенно забилося сердце. Он вдруг понял, что Вадим видит его насквозь, замечает то, в чем и самому себе не всегда удается признаться.

– Да! Я собираюсь поставить этот город на уши. – Голос Олега зазвенел. – Мне надоело, что он имеет меня, как хочет. Я хочу подняться на ноги, устроиться по специальности, а потом заработать миллион баксами или больше. Понятно?

– Решил доказать всему миру, насколько ты крут? – поигрывая ручкой, хмыкнул Вадим.

– Нет. Просто этот мир – полное говно, и в нем есть масса вещей, которые мне не нравятся и которые я хочу изменить. А сделать это можно, лишь имея деньги и власть.

– А ты, часом, не псих?

– На учете не состою, – с легкой злобой ответил Олег.

– Это хорошо. Паспорт дай на пару минут. Надо же, блин! – усмехнулся Вадим. – Тебе не в охране надо работать, а богом на небе.

Он встал с кресла и, приоткрыв одну из дверей, громко попросил кого-то в другой комнате:

– Ксюш, занеси в базу. А то бегай потом за ним.

Невидимая за дверью секретарша взяла паспорт, Вадим вернулся и снова занял место в кресле.

– Я тебя беру, – уже серьезно сообщил он. – Мне нравятся психи вроде тебя, поскольку они способны мыслить неординарно и пахать, словно лошади, до седьмого пота. Такие, как ты, намерены получить от жизни больше, чем она способна им дать. На заводе тебе делать нечего, на автомойке тоже. Я знаю. Зато здесь будет самое место. Только триста рублей я тебе не дам.

Искра злорадства мелькнула в его черных глазах.

«Гадство...» – расстроился Олег.

– Я их заработал, – предпринял он попытку сопротивления.

– Нет. Я тебе обещал или дать денег, или взять на работу. Понимаешь, или, а не все вместе. К тому же я предлагал деньги за честный ответ, а не за ту белиберду, которую ты плел.

– Но второй раз я ответил честно. – Олег расстроено нахмурился.

– А куда тебе было деваться?

– Хорошо. На каких условиях вы меня нанимаете? – Олег выдохнул, стараясь успокоиться, Вадим уже начал его бесить.

– Хороший вопрос. Достойный делового человека. – В глазах Вадима не угасал озорной огонек. – Пасть открой.

– Что? – не сразу сообразил Олег.

– Зубы покажи, бестолочь, – равнодушно произнес Вадим и в упор уставился на Олега.

«Лошадь я тебе, что ли?» – с нарастающей злостью подумал Олег, но под давлением тяжелого взгляда медленно разжал челюсти.

– Пасть плохонькая, – констатировал Вадим, брезгливо заглянув в рот Олега. – Придется восстанавливать.

– У меня нет на это денег.

– Ничего, будем вычитать из зарплаты. Значит, так. – Вадим погладил бородку. – Твой оклад для начала две тысячи баксов. Если будешь справляться, увеличу до трех. Плюс десять процентов от каждого выполненного задания.

У Олега замерло сердце – такую сумму он услышать не ожидал.

– Вы меня киллером нанимаете? – осторожно спросил он. Вадим снова расхохотался.

– Ну ты даешь, архитектор! – покачал он головой. – Это только в фильмах киллерам платят чемоданы денег. Но ты про это забудь, это лишь топливо для телеящика, не имеющее к жизни ни малейшего отношения. На самом деле, если мне вдруг понадобится кого-нибудь грохнуть, я найму бомжика за пару бутылок или конченого наркомана, который за марафет и маму родную убьет, а сам сдохнет от передозы через три дня. Так что можешь расслабиться – киллеры столько не получают.

– А если надо убить президента?

– Сейчас президента проще убить видеороликом, – отмахнулся Вадим. – Но к твоей персоне это все равно не имеет

ни малейшего отношения.

– Какие же у меня будут обязанности?

– Для начала привести себя в порядок. Ну, носки там купить... – хохотнул Вадим. – Сейчас, подожди, я принесу твой паспорт.

Он покинул холл и минуты через три вернулся, бросив на стол паспорт и толстый конверт.

– Здесь некоторая сумма подъемных и твой аванс в размере оклада. Отрабатывать не надо, это не зарплата.

У Олега сердце забилось чаще, когда он понял, что прямо сейчас может взять эти деньги и положить в карман. Это казалось фантастикой, сном, самым невероятным приключением в его жизни, но в то же время совершенно ясно было, что все происходит в действительности.

– Но потратить эти деньги по собственному усмотрению ты не можешь, – предупредил Вадим. – Кутить будешь на зарплату, когда заработаешь. А на эти деньги приведи рот в порядок, удали все вонючие корни, отремонтируй поврежденные зубы и вставь протезы. Времени на это – два дня. Чтобы не стоять в очередях, дам тебе адресок хорошего частного доктора. Посетить его ты обязан сразу же, как выйдешь из этой комнаты. Я ему позвоню и предупрежу. Вопросы есть?

– Нет, – выдохнул Олег, ощущая смесь тревоги и юношеского восторга.

«Нажрუსь, – заранее решил он. – После доктора сразу же

напьюсь до пороссячьего визга».

– Отлично. Перед походом к доктору тебе необходимо купить новую одежду. Нормальный магазин прямо возле метро.

Олег почувствовал легкое, но быстро усиливающееся головокружение.

– Ты меня слушаешь? – пристально глянул на него Вадим.

– Ага. Купить одежду, – взяв себя в руки, повторил Олег.

– Правильно. Всю одежду. Вообще всю. И шапку, и перчатки. Если заболеешь – уволю. Живешь с женой или второй брак фиктивный, ради прописки?

– Фиктивный. Но я живу с ней в одной квартире. Это моя кухня, мы с ней заранее договорились о регистрации.

– Понятно. А то я голову сломал, однофамильцы, что ли? Настоящая жена осталась на родине?

– Ага.

– С нынешней зарплатой ты ее можешь привезти хоть завтра, но я бы тебе не советовал. – Вадим сделал паузу, и взгляд его снова потяжелел. – Сначала поработай, освойся. Мало ли что?

– Конечно, как скажете. Мы с ней договорились о переезде ближе к следующему Новому году, точнее, к ее дню рождения, в декабре.

– Разумно. Теперь два важных момента. Первый – твоя работа всегда будет начинаться с заходом солнца, поэтому в отведенные два дня ты должен перейти на ночной образ

жизни. Спать днем, а все дела перенести на ночь. Сумеешь?

– Вполне.

– Второй момент. – Вадим окинул Олега взглядом с головы до ног. – Слишком уж ты тощий. Отъешься как следует. Узнаю, что сэкономишь на еде, – уволю. Настряпню усилий не трать, не позорь фирму – по ночам работает масса ресторанов, в которых пищу подают в готовом виде. Живешь, где прописан? На «Молодежной»?

– Да, двадцать минут пешком от метро.

– Понятно. Любовница есть?

– Нет.

– Вот это странно. А ты, часом, не пидор?

– Это имеет значение? – Олег окончательно разозлился.

– Если бы не имело, я бы не спрашивал.

– Я ж не могу к кухне девушку пригласить. Да и без денег...

Вадим полез во внутренний карман, вытащил оттуда две визитки.

– Понятно. Это дантист. – Вадим протянул ему одну, а потом вторую – розовую, усыпанную трафаретными сердцами. – И вот это пригодится. Здесь девушки гарантированно здоровые, а другими фирмами пользоваться запрещают. К тому же эта контора и апартаменты предоставляет. Все вышесказанное обязательно для исполнения и вступает в силу прямо с настоящего момента. Понял?

Вадим снова придавил Олега своим черным, таящим

смутную угрозу взглядом.

– Понятно.

– Тогда забирай свои бумажки. Жду твоего звонка ровно через два дня. Если вдруг не дозвонишься – увидимся очень скоро, причем в весьма неловких для тебя обстоятельствах. Это понятно?

– Да, – напряженно ответил Олег.

– Страшно? – усмехнулся Вадим. – Не бойся. В кабалу тебя никто не втягивает. Уволиться сможешь в любой момент, но не раньше, чем через месяц. Аванс отработаешь и поступишь как знаешь. Все, свободен.

Олег, спрятав в карман паспорт и конверт, направился к выходу. Язычок замка звучно клацнул в гулкой тишине подъезда. Олег спешно спустился по лестнице, выскочил во двор и осторожно миновал освещенное окнами пространство. Только на улице, возле шумящей автомобильным потоком дороги, он достал из кармана конверт и пересчитал деньги. Там было три тысячи долларов сотенными бумажками и еще тысяча купюрами по двадцать долларов. Только теперь он осознал, что так и не выяснил в точности своих служебных обязанностей, но с такими деньгами это казалось неважным – Олег ощутил себя совершенно другим человеком. Это было похоже на сказочное чудо, когда по мановению руки волшебника лохмотья превращаются в роскошный костюм.

Налетел короткий порыв ветра, едва не вырвав деньги из

рук.

– Вот черт! – Олег свернул купюры и аккуратно уложил их во внутренний карман куртки. – Это же офигеть можно!

Он окинул город победным взглядом. Началась новая жизнь – совершенно другая, и ему сразу захотелось сделать что-то непривычное, но он никак не мог понять что. Оказалось, он абсолютно не готов к смене надписи «Посторонним вход воспрещен» на «Добро пожаловать!».

С чего же начать?

Перед мысленным взором Олега тотчас возникло холеное лицо Вадима и рука, поигрывающая золотым «паркером».

Носки!

Он ринулся к универмагу.

Новую жизнь Олег начал с обменного пункта, где решительно обменял сразу триста долларов на показавшуюся ему внушительной пачку сторублевков. Олег попытался засунуть ее в карман, но изношенные купюры никак не лезли. Тогда рядом в ларьке он купил турецкое портмоне и запихнул в него пухлую пачку. Следующим приобретением стали сигареты «Кент» и шикарная блестящая зажигалка.

Он не стал курить сразу, решив, что сначала разберется с покупкой гардероба.

Автоматические стеклянные двери универмага раздвинулись перед Олегом, словно ворота в сказочный мир, – внутри все сияло галогеновым светом, блестело стеклом и хромом. Олег нерешительно замер, растерявшись от обилия по-

лок, стеллажей, витрин. Хорошенькие продавщицы, как по команде, повернули к нему свои приветливые личики, и ему пришлось двинуться вперед. Он совершенно не представлял, как себя вести и что выбрать, и больше всего на свете ему хотелось переложить эту задачу на кого-нибудь другого. Олег пробежал глазами по торговому залу и, с радостью заметив в обувной секции парня, направился туда.

Продавец предупредительно улыбнулся:

– Вам помочь?

– Да. У меня есть деньги. – Олег выразительно посмотрел на парня. – И мне нужно одеться. Понимаете? Ну, прикинуться как следует. С понтами.

– Понимаю, – кивнул парень, и в его жестах появилась расторопность удачливого охотника.

В процессе покупок Олегу пришлось поменять еще семьсот баксов, но в результате он стал выглядеть не хуже парня с рекламного щита.

Пакет со старьем он выбросил в первую же попавшуюся урну.

Он вытащил из кармана сигареты и закурил. Прямо перед ним красовался желтый рекламный щит, рассказывающий об очередном снижении тарифов мобильной связи.

«Я ведь и машину, пожалуй, могу хоть завтра купить, не то что мобильник, – прикинул он. – Не шикарную, но вполне на ходу».

В памяти снова блеснул золотой «паркер».

Зубы!

«Да ладно, с машиной и телефоном можно пока не спешить. Хотя Шерстка очень бы удивилась, если бы я встретил ее с вокзала на собственной тачке и с мобилой на поясе».

Опьянев от накатившей эйфории, Олег не сразу вспомнил про голод, мучивший его с утра, но желудок напомнил о себе ноющим урчанием. Олег огляделся, ища по привычке продавца пирожков, но блеск золотого «паркера» снова остановил его.

«Не позорь фирму», – прозвучал в голове голос Вадима.

И Олегу сразу захотелось поехать в ресторан, заказать нечто особенное и чтобы официантки бегали вокруг него как ошпаренные. Москва из врага моментально превратилась если не в друга, то, по крайней мере, в приятеля и потенциального собутыльника. Захотелось выпить золотистой текилы. Про водку и думать теперь не хотелось.

«Ох и нажрись!» Дыхание сбилось от накатившего куража.

Зубы!

«Да я только поем – и сразу к дантисту», – вздохнул Олег и направился к ресторану, яркая вывеска которого заманчиво сверкала золотыми буквами.

Он вальяжно прошел мимо швейцара, с готовностью распахнувшего перед ним двери, и, оказавшись в фойе, скинул куртку на руки подбежавшего гардеробщика.

Усевшись за темный лакированный столик у стенки, Олег

небрежным жестом бросил зажигалку и сигареты возле хрустальной пепельницы, а сам с важностью откинулся на спинку диванчика. Через несколько минут в зале появилась очень красивая девушка в красном свитере и короткой юбочке, наводящей на самые пикантные мысли. На сгибе одной руки она небрежно держала маленькую дамскую сумочку, во второй – длинную тонкую сигарету. Девушка мельком глянула на Олега и присела за столик неподалеку.

Олег откровенно оглядел незнакомку, затем с наигранным смущением опустил глаза. Этот не очень тактичный, но весьма эффективный способ знакомства он разработал еще в старших классах школы. Он был уверен в неоспоримости женского права выбора, поэтому откровенным взглядом пытался сказать: «Я свободен и не прочь познакомиться», а смущенно опущенными ресницами добавлял: «Если вы считаете это возможным». Произнести подобную фразу вслух Олег никогда бы не решился, но был убежден, что она может принести успех.

Сидящая за столиком девушка не фыркнула и не отвернулась. Она открыла сумочку и начала рыться в ней в поисках зажигалки. Поиски не принесли результата, и девушка беспомощно улыбнулась, с надеждой взглянув на Олега. Его сердце заколотилось, разгоняя забурлившую кровь. Не раздумывая ни секунды, он схватил зажигалку и выскочил из-за столика.

Она откинула голову, привычным жестом подняв кончик

сигареты к протянутому огоньку.

– Спасибо. – Незнакомка выпустила изо рта длинную струю дыма. – Меня зовут Натали. Присаживайся. Кажется, моя подружка уже не придет, а уходить не хочется, так что, если ты меня чем-нибудь угостишь, я не откажусь.

«Ну у нее и ножки. – Олег невольно задержал взгляд на обтянутых капроном коленках. – словно с журнальной обложки. Ну вот, уже в рифму думать начал. Привет из психушки».

– Конечно. – Он расслабился, сел на диванчик рядом с Натали и, подвинув к ней меню, спросил: – Что ты хочешь?

– Сейчас посмотрю. – Девушка раскрыла меню.

«Пока Шерстка не вернулась, можно пригласить эту чувственную деваху домой. Хотя нет, еще начнет потом наносить визиты. С такими лучше встречаться на их территории».

– Давай ограничимся для начала французским каберне, крылышками в кляре и вот этим салатиком. – Красный ноготь последовательно отчеркнул названия.

– Запросто.

Олег по привычке украдкой глянул на цены, а затем щелкнул пальцами и сделал заказ стремительно подбежавшей официантке.

– Что-то я не видела тебя тут раньше, – сказала Натали.

– А ты часто здесь бываешь? – удивился Олег.

– Почти каждый день. Мы здесь ужинаем с подружкой после работы, но сегодня она не пришла. Подруги – очень ненадеж-

ные существа, никогда не знаешь, что они выкинут в следующую секунду. Знаешь, женщины часто думают только одним местом – тем, что между ногами. Но что делать, когда рядом нет мужчины...

Натали грустно вздохнула, скользнула по его лицу томным взглядом и виновато потупилась.

– Ничего, – добродушно сказал Олег. – Иногда человеку нужно выговориться, а у меня крепкие уши. К тому же у меня у самого столько проблем, что я не прочь ими с кем-нибудь поделиться.

– Разве у тебя есть проблемы? С такими бабками? – Она небрежно стряхнула пепел.

– Не все проблемы можно решить деньгами.

– Да ладно! – усмехнулась Натали. – Хотела бы я узнать проблему, которую не решить деньгами. Тебе не везет в любви? – Она хитро прищурилась.

– Угадала, – развел руками Олег.

Натали наклонилась к нему близко-близко, так что локон темных волос коснулся его щеки.

– Я догадливая, – шепнула она ему на ухо.

От нее пахло тончайшими духами и теплом пушистого свитера.

Олег вспомнил о том, что нужно дышать, лишь через несколько секунд, а сердце уже молотило изнутри по ребрам кузнечным молотом.

– Я только недавно приехал в Москву, – смущенно объяс-

нил он. – Хотелось бы, конечно, познакомиться с кем-то...

– По тебе это не очень заметно. – Натали улыбнулась и отодвинулась. – Ты так импозантно выглядишь. В каких же краях водятся такие богатые и красивые парни?

– Разбогател я уже здесь. Повезло, – любуюсь собой, сказал Олег. – Устроился на приличную работу.

– И кем, если не секрет?

– Я архитектор.

– Архитектор, – задумчиво повторила Натали. – О! Я знаю одного архитектора, он проектирует заказные квартиры. Очень хорошо получает. Сейчас модно делать перепланировку. – Она немного споткнулась на сложном слове и, словно извиняясь, улыбнулась. – Послушай, если ты такой одинокий, можно я тебя приглашу сегодня на вечеринку?

– Сегодня? – Олег замялся, вспомнив, что должен поехать к зубному. – Сегодня у меня назначен визит к дантисту.

– Ничего страшного. Приезжай после дантиста. Все будет в самом разгаре. – Натали погасила сигарету.

Официантка принесла заказ. Олег удивился, что вместе с куриными крылышками на столе появились две чашки, в каждой из которых плавал ломтик лимона, но виду не подал.

«Круто», – подумал он.

Ни в одном из ресторанов на его родине такой роскоши не было.

– Так ты заедешь? – уточнила Натали и протянула руку за крылышком. – Или у тебя есть более важные дела?

– Ну, если ты говоришь, что я не опоздаю, то заеду точно, – пообещал Олег и принялся за еду.

Он был благодарен Натали за то, что она занялась своими крылышками и дала ему возможность поесть не смущаясь. Довольно скоро выяснилось, что чашки с водой и лимоном предназначены для ополаскивания рук. Олег, повторяя жесты Натали, брал крылышко, макал его в соус и откусывал хрустящий кляр с кусочком сочного мяса. Когда крылышко кончалось, он споласкивал кончики пальцев в воде, тискал лимон и вытирал руку салфеткой. Отпивал глоток вина из высокого округлого бокала.

– Обязательно заезжай. В Москве стало трудно познакомиться с парнем, – вздохнула Натали.

– Почему?

– Этот город переполнен одинокими девушками, коротающими вечера с электрическими вибраторами. Снять девчонку – что в этом особенного? Мужика соблазнить парня гораздо труднее, чем женщину, следовательно, парни в большей цене, чем девчонки, а все, на что растет цена, и предлагается в больших количествах. Никто сейчас ни одной проститутке не заплатит шестисот долларов, а для парня это минимальная цена. Так что геям сейчас быть просто выгоднее, чем тусоваться с девчонками. К тому же в этом есть налет запретности и необычности, нетрадиционные отношения привлекают нестойкие, незрелые души.

– Пидоры, что ли? – усмехнулся Олег.

– Фу. – Натали нахмурилась. – Здесь так не принято говорить. Среди них есть нормальные ребята, так что не следует использовать слово «пидор». Обычно говорят «гей» или «голубой». И уж тем более нельзя использовать слово «пидор» в качестве синонима к слову «козел».

– Я этого не понимаю. Чем мужик может быть лучше девушки?

– Я тоже не понимаю. – Натали снова окинула Олега откровенным взглядом.

– Нет уж, спасибо, – брезгливо качнул головой Олег, – это точно не для меня. Девушки – они же красивые. У них ноги, грудь...

Натали рассмеялась:

– Хорошо, что хоть где-то еще не вымерли мужики, которые в состоянии заметить, что у женщины есть ноги и грудь. В общем, я тебя жду в «Соларе». Это совсем рядом, в двух кварталах отсюда. Заходи, приятно проведем время. Вот тебе визитка с адресом.

Она щелкнула сумочкой, вытащив из нее белую карточку.

От этих слов Олег вновь почувствовал прилив воодушевления.

«Приехали, – подумал он. – Успокойся, блин, вечер еще только начинается».

– Будешь еще что-нибудь? – спросил он Натали.

– Мороженое и кофе-эспрессо.

Олег дополнил заказ и попросил счет.

– Мне пора. – Олег оставил деньги в папке меню и поднялся из-за столика. – Было приятно познакомиться.

– Мне тоже, – ответила Натали с улыбкой. – До вечера! Я буду тебя ждать.

– Непременно! – Олег с улыбкой помахал рукой и скрылся за дверью гардеробной.

Накинув куртку, он выбрался на улицу, в вихрящуюся снежную суету. Настроение было замечательным, его не мог омрачить даже предстоящий визит к стоматологу.

Он достал визитку дантиста и посмотрел адрес. Это была частная квартира в Черемушках.

Олег встал у края дороги и, подняв руку, почти сразу остановил одну из машин. Он еще ни разу не ездил по Москве на наземном транспорте, да и пешком практически не ходил. Город для него был и оставался набором разрозненных пейзажей, видимых от станций метро.

Выехав на Садовое кольцо, водитель увеличил скорость, и огни реклам величаво поползли по сторонам, окрашивая искрящийся снег во всевозможные цвета и оттенки. Движение по кольцу уже не было таким интенсивным, как днем, поэтому Москва, словно огромная шестерня, бодро проворачивалась под колесами.

Всю дорогу Олег не мог отвертеться от мыслей о Натали. Независимо от его воли она представлялась ему в самых разнообразных позах.

Водитель остановил возле элитного дома в районе Новых

Черемушек. Олег расплатился и вышел из машины в снежную кутерьму, пронизанную светом уличных фонарей. Дыхание на морозе тут же превращалось в густой пар.

– Спасибо, – поблагодарил он шофера, натягивая модную вязаную шапочку на уши.

Добравшись до подъезда по аккуратно расчищенному тротуару, Олег нажал несколько кнопок на домофоне. Динамик пискнул, отозвавшись едва различимым голосом.

– Виктор Абрамович, я от Вадима, – сказал Олег. – Он обещал сообщить вам о моем приходе.

– Шерстюк?

– Да.

Дверь тоненько засвистела, он открыл ее и шагнул в подъезд. Все внутри было чистым, ухоженным, не содержащим и намека на убожество подъездов, в которых жили люди среднего достатка. Лифт быстро и плавно донес Олега до пятого этажа, где возле двери в коридоре уже ждал доктор в белом халате поверх делового костюма. Заколка в его галстукке сверкала крупным бриллиантом.

– Здравствуйте. – Олег поздоровался первым.

Врач цепко оглядел его с ног до головы.

– Здравствуйте, молодой человек, проходите, пожалуйста, – кивнул доктор, жестом приглашая его в квартиру. – Заходите, раздевайтесь. Прошу. Здесь гостевые тапочки. Будьте любезны.

Олег разделся.

– Что вас беспокоит? – Виктор Абрамович пригласил его в отдельную комнату, приспособленную под кабинет.

– Многое. Так вышло, что я слишком долго не имел возможности воспользоваться услугами дантиста, – оглядываясь, сообщил Олег.

– Понятно. – Доктор кивнул в сторону зубоврачебного кресла. – Садитесь.

Кресло было устроено так, что Олег скорее лег в него, чем сел, а в лицо ему тут же ударил теплый свет галогеновой лампы. Доктор молча кивнул:

– Откройте, пожалуйста, рот. Шире, не бойтесь. Больно не будет.

Он осмотрел зубы Олега с помощью круглого зеркальца на длинной стальной ручке, затем несколько раз осторожно ковырнул прогнившие корни.

– Ирочка! – позвал он кого-то. – Два обезболивающих, пожалуйста.

Лампа назойливо била в глаза, поэтому подошедшую медсестру Олег различил лишь размытым светящимся силуэтом. Сердце начало учащать ритм от подсознательного страха боли, как бывало всегда в кресле дантиста.

– Откройте рот шире. – Доктор звякнул каким-то металлическим предметом о поверхность стеклянного столика. – Так, сегодня удалим два корня и поставим пломбы. Затем снимем мерки для протезов. Лечение можно было бы закончить за один день, а завтра заняться только протезировани-

ем, но я не хотел бы удалять за один прием более двух корней. Это может вызвать нежелательные осложнения. Не закрывайте рот. Шире, вот так.

Олег подчинился, тут же почувствовав болезненный укол в десну.

– Дышите, дышите, – сказал Виктор Абрамович. – Рот пока можно закрыть. Подумайте о чем-нибудь приятном. Ирочка! Щипцы, пожалуйста.

Олег ощутил судорогу страха. Щека онемела, но чувствительности не утратила.

– Доктор, на меня наркоз почему-то не действует, – предупредил он, еле ворочая онемевшим языком.

– Успокойтесь. Это тактильная чувствительность, она остается, а наркоз снимает только ощущение боли. Ну вот, хорошо, – бормотал Виктор Абрамович.

Олег зажмурился, чтобы не видеть блеска медицинской стали.

– У-у-у-у! – на всякий случай выдохнул он, когда ощутил крепкую хватку щипцов.

Но боли действительно не было.

– Ну вот, все. С одним покончено. Ирочка, тампон, пожалуйста.

Щипцы брякнули о дно кюветы.

– Запустили вы рот, конечно, – посетовал доктор. – Ну ничего. Тампон языком не трогайте, рот не закрывайте. Сейчас удалим еще корешочек, и все будет хорошо. Вот так. Хо-

рошо. Рот держите открытым.

Олег с ужасом услышал характерный визг включившейся бормашины. Но ничего страшного не произошло – он ощущал лишь вращение бора, тепло, разбегающееся по десне, и запах горелой кости.

Через десять минут все было закончено. Сердце Олега по-прежнему колотилось, но уже не от страха, а от радости, что все неприятное завершилось.

– Завтра жду вас в девять вечера, – сообщил доктор. – Еще одно удаление, и будем ставить протезы. – Его голос доносился словно сквозь вату.

– Спасибо, – поблагодарил Олег.

– Вам бы лучше посидеть минут десять. Вы нормально себя чувствуете?

– Да, все в порядке. Спасибо.

– С вас три тысячи рублей.

– А сто долларов устроит? – спросил Олег.

– Это не имеет значения. Да, спасибо. – Виктор Абрамович принял деньги и проводил пациента в прихожую.

Олег обулся, все еще ощущая некоторую оторванность от окружающего пространства. Почему-то вспомнилось стекло магазина, за которым он стоял всего пару часов назад без всякой надежды на просвет. А снаружи проходили люди, не имеющие к нему ни малейшего отношения. Сейчас все выглядело почти так же – мир казался отделенным от сознания стеклянной стеной, которая медленно, но верно рассасыва-

лась. Олег попрощался с доктором и вызвал лифт, при этом словно наблюдая себя со стороны. Но на первом этаже привычные ощущения вернулись, вытеснив навеянное наркозом наваждение.

Ветер за дверью подъезда окреп и сразу проник под ткань теплой куртки. Олег привычно поднял воротник и остановился у дороги, чтобы поймать машину. Но дорога была пустынной. Ветер шумел в ушах, споря с шорохом в мозгу, очищаясь от действия обезболивающего. Над заснеженным асфальтом пробегали плотные волны поземки, засыпая подветренную сторону одежды белой крупой. Олег озяб.

Наконец из-за поворота вырвался свет автомобильных фар с мечущимися в лучах снежинками. Олег поднял замерзшую руку, и машина остановилась.

– К метро «Девятьсот пятого года», – попросил Олег, открыв переднюю дверцу.

Водитель назвал цену.

– Нормально. – Олег отряхнул снег с куртки, сел на сиденье и захлопнул дверь.

На самом деле он понятия не имел, сколько стоит поездка в машине на то или иное расстояние, но не собирался показывать это водителю. Пусть лучше посчитает его не жадным, чем деревенским лохом. Машину покачивало, по телу приятно побежали волны тепла из автомобильной печки, и незаметно потянуло в сон. Искусственный ветер дышал прямо в лицо, негромкий шум двигателя успокаивал. Водитель

включил приемник, и в салон машины ворвался голос Эдуарда Хиля: «Потолок ледяной, дверь скрипучая...»

В вечер Олеговой свадьбы гости тоже танцевали под древние, еще отцовские записи, потому что приглашение исходило в основном от родителей. Вечер был шумный, пьяный. Они с Кристиной сидели во главе длинного стола, богато уставленного продуктами. Торжество продолжалось уже несколько часов, поэтому залитые соусом и засыпанные порезанными овощами крепкие куриные тушки, которые торжественно возвышались в двадцати блюдах, ровной шеренгой выстроенные вдоль стола, уже потеряли свой первоначальный вид. Потеряли красоту и вазочки с черной и красной икрой, тарелки с колбасами, грудинками и бужениной. Полупустые бутылки в беспорядке разбрелись между тарелок, вилок, ножей, мятых салфеток, рюмок и огрызков хлеба. Кое-где белую скатерть свадебного стола уже залили красными пятнами вина и томатного соуса, местами она была сморщена и сдвинута. Некоторые гости разомлели и не могли подняться со стульев. Остальные, с красными возбужденными лицами и съехавшими набок прическами и галстуками, лихо отплясывали в прихожей под звуки магнитофона. Над всем этим висел крепкий дух гулянки, состоявший из запахов алкоголя, чеснока, солений, копченостей и табачного дыма.

– Я устала, – недовольно шепнула Кристина Олегу на ухо. – Все напились, и мне противно смотреть на эти рожи.

Интересно, скоро они напьются настолько, что нам можно будет идти спать?

Олег посмотрел на жену. В свадебном платье она выглядела еще прекраснее, чем обычно. В ослепительно белой фате, нежно оттеняющей смуглое лицо и черные волосы, Кристина казалась сказочной принцессой. И тем сильнее Олег мечтал о том мгновении, когда эта сияющая фата упадет к его ногам, обнажив прекрасное стройное тело супруги.

– Ну что ты, Черненький! Они ведь радуются за нас. Мне и самому не терпится, – сказал Олег, горячо сжав потной ладонью коленку жены.

Кристина вздохнула и отодвинула ногу.

– Да им плевать на нас... Лишь бы нажраться, – сказала Кристина, и между ее бровей появились две маленькие черточки. – Хотя бы снять это платье. Я чувствую себя в нем как маринованная селедка.

– Ну, Черненький! – расстроено протянул Олег и осторожно погладил жену по голове. – Ты в нем такая красивая. Потерпи чуть-чуть.

– Нет! – Она помотала головой. – Вот тебя бы в него запихнуть, я бы посмотрела!

– Ну хорошо, – вздохнул Олег и отодвинулся от стола, чтобы встать, но Кристина остановила его:

– Ты отвлеки их, пока я переоденусь, ладно? Побудь пока тут, чтобы они не подумали чего такого...

– А... – попытался сказать Олег, но жена уже выбралась

из-за стола и исчезла в коридоре.

Олег проводил ее взглядом. Он никак не мог осознать, что из обычного среднестатистического человека стал мужем – главой семьи. Это было и забавно, и тревожно. Олег окинул веселящихся гостей взглядом и подумал, что Кристина, конечно, права – пьяный человек действительно выглядит глупо и неприятно.

Среди пляшущей толпы, убирая опустошенные салатницы и блюда, сновали мать и теща. Потом среди танцующих появилась с вазой, полной фруктов, двоюродная сестра Люда. Она издали кивнула Олегу и с улыбкой увернулась от слишком расходившегося отцовского сослуживца. Прямо с вазой она направилась к Олегу.

– За весь вечер я так и не смогла к тебе подобраться, – сказала кузина и поставила вазу на стол.

– Да, сумасшедший день, – согласился Олег.

Ему тоже хотелось поболтать с ней. Единственный ровесник Олега, приглашенный в качестве свидетеля, уже крепко набрался и, быстро подружившись со свидетельницей, всю обнимался с ней на балконе.

Шерстка присела рядом и налила вина себе и Олегу.

– Хочется поздравить тебя персонально, – смущаясь, сказала кузина, – сказать напутственное слово. Странно, Олежа, я постоянно вспоминаю сегодня, как мы играли с тобой в песочнице. Помнишь, как мы подрались из-за того зеленого грузовика?

Люда грустно улыбнулась.

– Да, – кивнул Олег. – Классный был грузовик.

– А теперь вот... – сказала Шерстка и подняла бокал. – Давай за тебя. Чтобы у тебя все было хорошо.

– Не могу, – вздохнул Олег. – Кристина считает опьянение состоянием, недостойным человеческого существа, а я не хочу ее расстраивать, тем более в такой день. Я целый день пью воду из-под крана.

Олег с усмешкой качнул полупустую водочную бутылку, стоявшую возле него.

– Во дает! – покачала головой Шерстка и насмешливо предложила: – Ну хоть газировки себе плесни. Крепко она за тебя взялась, братишка. Ладно, поздравляю лично и от всей души. Может быть, это и хорошо...

– Спасибо, Шерстка. Мама тоже рада.

Они звякнули бокалами, и Олег чуть пригубил «Буратино».

– Не могу больше пить пустую воду, – извиняющимся тоном пояснил он Шерстке.

– Почему Кристина нервничает? – ехидно поинтересовалась кузина. – Похоже, слово «первая» в отношении сегодняшней брачной ночи для нее имеет совсем не фигуральный смысл?

– Шерстка, прекрати пошлить! Она просто устала.

– Да ладно, – странно улыбнулась Люда. – Я бы на ее месте только и мечтала, как бы поскорее добраться до самого

главного. А Крыська твоя какая-то отмороженная.

Олег смутился и все-таки отпил воды из бокала.

– Ага! Значит, мое женское чутье меня не подвело, – прокомментировала кузина. – Удивляюсь твоей несокрушимой выдержке. Неужели за три года у вас так ничего и не было? Нет, серьезно? Поделись, как вы умудрились сохранить девственность?

– Рассказать во всех подробностях? – огрызнулся Олег. – Кристина очень боялась беременности до свадьбы, поэтому мы только ласкали друг друга руками.

– Но есть же всякие штучки для безопасного секса!

– Ты плохо знаешь Кристину, – вздохнул Олег. – Да и вообще, Шерстка, твои столичные представления сильно отличаются от принятых у нас, на периферии. Если бы ты знала, скольких стараний мне стоило уговорить ее сделать хоть что-то такое до свадьбы, ты бы не говорила о всяких штучках. Я вообще не представляю, как это может выглядеть. «Подожди, дорогая, я надену презерватив»? У меня бы язык не повернулся, честное слово.

– Н-да, – уважительно кивнула Шерстка. – Мне остается лишь позавидовать Крыське, что ей достался такой терпеливый муж. Сейчас это редкость, я тебе точно говорю. Но и она, конечно, тетка крепкая. Я бы не удержалась.

– Просто я ее очень люблю, вот и все. – Олег пожал плечами. – И готов пожертвовать мелочами ради главного.

– Секс – это не мелочь, – возразила кузина.

– Я о частностях говорю, – отмахнулся Олег. – Оргазм с любимой женщиной хорош всегда, даже если ничего никуда не засовывать, потому что ее прежде всего надо уважать. Это с нелюбимой вытворишь что хочешь.

– А уважение-то здесь при чем? – удивилась Шерстка. – Разве в сексе есть что-то неуважительное? Мне кажется, если любишь человека, тебе в нем все приятно. Каждая черточка. Каждый закоулочек его тела.

Люда сладко улыбнулась. Олег покраснел.

– Давай, сестренка, закроем эту тему, – сказал он, невольно поглядывая на коридор, в котором скрылась Кристина. – И это... Ты не называй ее Крыской. Ладно?

– Ладно, – пообещала Шерстка и по-лисьему прищурилась. – Возбудился?

– А ты как думаешь? – Олег смутился, но постарался выглядеть развязным.

– Оно и понятно, – ухмыльнулась кузина. – Лишение девственности – ответственное дело.

– Я уж как-нибудь сам разберусь, – отмахнулся Олег.

– В тебе я и не сомневаюсь. – Шерстка допила вино и вздохнула, поднимаясь. – Ладно, братишка, нам с мамой надо отчаливать. Самолет на Москву скоро. Приезжайте как-нибудь, отец мне справил отдельную двухкомнатную квартиру, так что есть где разместить молодую супружескую пару.

– Зимой заедем, – пообещал Олег, – если ты к тому вре-

мении сама не обзаведешься мужем.

– Даже если это произойдет, в чем я лично сомневаюсь, – вздохнула Шерстка, – места хватит. Тебе я всегда рада. Ну пока, братишка.

Она встала из-за стола.

– Пока, Шерстка! – сказал Олег.

В коридоре Люда столкнулась с вернувшейся Кристиной – теперь та была в синем платье. Невеста покосилась на уходящую Шерстку и подозрительно спросила:

– О чем это вы говорили?

– Люда приглашала нас в Москву.

– И что ты сказал?

– Пообещал, что приедем.

– А со мной ты мог предварительно посоветоваться? – Кристина нахмурилась и села рядом. – У меня нет ни малейшего желания общаться с твоими родственниками, тем более с Люськой. У тебя с ней что-то было?

– В смысле? – удивился Олег.

– Ой, не надо! Я что, не знаю, как парни поглядывают на своих двоюродных сестричек?

– Мне никто, кроме тебя, не нужен, – ласково шепнул Олег и обнял жену за плечи. – Я тебя очень люблю.

– Тогда пообещай, что в рот не возьмешь спиртного. Никогда в жизни, – жестко потребовала Кристина. – Я не хочу, чтобы ты выглядел как эти свиньи, твои родственники.

– Обещаю, – поклялся Олег.

– Скорее бы все это кончилось, – тяжело вздохнула она.

– И я уже упарился ждать. – Олег поцеловал ее в мочку уха. – Давай публично объявим, что мы устали и хотим спать.

Он нежно погладил под столом ее коленку. Кристина чуть заметно напряглась, продолжая вести себя как ни в чем не бывало. За несколько лет знакомства Олег так и не смог понять, чем вызывается такая реакция – быстрой возбудимостью и желанием ее скрыть или подсознательным страхом и нежеланием близости. Так или иначе, Кристина всегда старалась ничем не показывать своего возбуждения, занимаясь во время ласк чем-то обычным, повседневным, словно сексуальные ощущения существовали отдельно от нее в некоем параллельном пространстве.

Больше всего Олегу запомнился первый раз, когда она не остановила его ласки. Он обнимал ее бедра, целовал их сквозь ткань спортивных брюк, задыхаясь от страсти, а она собирала кубик Рубика, словно Олега не было в комнате. Но в то же время он видел ее покрасневшие щеки, слышал, как все быстрее и быстрее колотится ее сердце. Лишь когда Олег попытался раздеть ее, она коротко сказала: «Не надо». И он не стал. Ему хватало ее тела и сквозь одежду, она не мешала ласкать, целовать и трогать свои самые сокровенные места. В тот раз он впервые довел ее до оргазма, почувствовав это по судорожно сжавшимся бедрам девушки, и сам неожиданно сорвался в пропасть невероятного наслаждения. Пришлось выпустить рубашку, чтобы скрыть

мокрое пятно на брюках. К этому моменту Кристина как раз собрала на кубике второй слой.

– Тебе было хорошо? – с замиранием сердца спросил Олег.

– Да, – ответила девушка. – Но сейчас тебе лучше уйти, а то мама придет через полчаса. Мы и так засиделись.

– Ты трусишка зайка серенький, – ласково улыбнулся Олег. – Ничего нам твоя мама не сделает, мы уже вышли из школьного возраста.

– Я не серенький, я черненький, – фыркнула Кристина. Действительно, у нее были волосы цвета воронова крыла и смоляной оттенок глаз.

– Хорошо, Черненький, можно я завтра приеду?

– Я тебе позвоню.

Это короткое воспоминание еще сильнее возбудило Олега, от ощущения долгожданной близости у него пересохло во рту, и он налил себе газировки, разом выпив ее до дна. Кристина безмятежно выстраивала бутербродик из хлеба, сыра и шпротов, но знакомый румянец на щеках подсказал Олегу, что его поглаживание возымело нужное действие. Все-таки Кристина возбуждалась очень легко и быстро, просто не любила этого показывать. Или ей приятнее было сохранять свое состояние в тайне.

– Пора. – Он помог жене выйти из-за стола. – Пойдем, Черненький.

Гости в прихожей продолжали плясать. Кристина огляде-

ла их с откровенной брезгливостью и, нахмутив брови, придвинулась к Олегу вплотную.

Он сообщил матери, что Кристина устала и они хотят прилечь.

Когда мать постелила им, Олег взял жену за руку и потянул в комнату. Его глазам предстала знакомая с детства кровать, застеленная теперь новеньким шикарным бельем. Одежда скрывала две большие пуховые подушки в пестрых наволочках.

Олег не удержался, крепко обнял жену и поцеловал ее в губы.

– Я устала жутко. – Она чуть отстранила его. – Помоги мне снять платье.

У Олега дрожали руки, когда он потянул «молнию».

«Господи, до чего же моя Крестя красивая, – задыхаясь от накаывающей страсти, подумал он. – Неужели прямо сейчас мы наконец сделаем это по-настоящему?»

Он еле удержался, чтобы не сорвать с нее платье одним движением, но Кристине это наверняка не понравилось бы – она не терпела грубости в любых проявлениях, поэтому сняла одежду сама.

– Выключи свет, – попросила она, оставшись в тугом лифчике и трусах.

Кровь зашумела в ушах, в горле пересохло, дыхание сделалось частым. Олег молнией метнулся к выключателю, заодно проверив, хорошо ли закрыта дверь, – кто-нибудь из

пьяных гостей вполне мог додуматься засвидетельствовать свое почтение в самый неподходящий момент. Замок был защелкнут. Олег одним прыжком вернулся к жене и хотел подхватить ее на руки, но не удержал. Они вместе повалились на застеленную кровать.

– Тихо! – шепнула Кристина. – Там полная прихожая гостей!

– Ничего, эта кровать не скрипит. Они ничего не услышат, – дрожащим голосом ответил Олег. – Они топчут, и магнитофон играет.

– Так. – Сквозь дверь послышался голос его отца. – Прошу минуту внимания. Молодые отправились спать, так что всех приглашаю за стол, танцы кончились.

– Вот гад, – прошипела Кристина. – Зачем он это сказал? Теперь каждая пьяная скотина будет представлять меня голый в постели.

– Черненький, чего ты расстраиваешься? – Олег провел ладонью по ее плечу. – И так все знают, что мы сейчас будем делать.

– Ничего мы не будем делать, – решительно отрезала Кристина и плюхнулась в постель. – Я не хочу свой первый раз омрачать такими условиями. Пусть они разойдутся. Разбуди меня, когда все успокоится.

Олег оторопел. Шум крови в ушах тоже постепенно стихал.

– Крись... – Олег обнял жену и поцеловал в шею. – Ну

чего ты скуксилась?

– Я тебя сто раз просила не называть меня Крисью. – Жена отвернулась к стене и натянула одеяло до подбородка.

– Извини. – Олег нерешительно потянул одеяло. – Я больше не буду.

Из-за дверей донеслось нестройное пение, становившееся все более громким.

– Теперь они будут орать! – недовольно буркнула Кристина.

– Зато никто ничего не услышит, – шепнул Олег.

Жена ничего не ответила.

Олег впервые лежал рядом с раздетой Кристиной. Задыхаясь, он провел ладонью по ее спине, ощущая мягкость и тепло обнаженной кожи.

«Господи, я схохну, если она мне не даст прямо сейчас, – подумал Олег. – Я просто схохну к чертям собачьим».

– Черненький, – позвал он тихонько. – А давай полностью разденемся. Мне так будет легче ждать.

Он осторожно потрогал замок лифчика.

– Почему? – резко обернулась Кристина.

– Ну все-таки первая брачная ночь, – жалобно заскулил Олег. – У мужчин все не так, как у женщин. Я умру, если не прикоснусь к тебе прямо сейчас. Позволь мне погладить, только погладить тебя по животу!

– Ладно. Но ты мне должен пообещать, что после этого оставишь меня в покое! – сказала Крися.

– Обещаю.

Сердце Олега снова заколотилось в ритме кавалерийской атаки.

– Ну? – с неудовольствием в голосе спросила Кристина. – Что, я сама буду расстегивать лифчик?

– Я сейчас. Сейчас... – Олег торопливо вцепился в застёжку, но лифчик не поддавался. – Я не умею, – признался наконец Олег. – Ты же мне никогда раньше не предлагала этого сделать...

Жаркий пот выступил на лбу, носоглотка казалась слишком узкой для лавины воздуха, который усиленно качали легкие.

– Чего ты запыхался? – с прохладным любопытством поинтересовалась Кристина. – Ты дышишь как паровоз.

– Я хочу тебя, – признался Олег.

– Но ты точно не будешь ко мне приставать? – с сомнением спросила Кристина.

– Точно. – Наконец его дрожащие пальцы справились с мудреной застёжкой. – Только обниму и лягу рядышком.

– Давай сюда. – Кристина забрала лифчик и спрятала его под подушку.

Олег принялся снимать с нее трусики, не удержался и поцеловал в живот.

– Ты же обещал не приставать, – возмутилась жена.

– Я не буду. Это по-дружески, – объяснил Олег.

Ему казалось, что он сейчас взорвется, точно атомная

бомба над Хиросимой.

Трусики Кристина тоже отправила под подушку вслед за лифчиком.

– Не смотри на меня так, я стесняюсь. – Она перевернулась на бок лицом к стене и спряталась под одеялом.

– Стесняешься? – спросил Олег с обидой в голосе.

– Я просто еще не привыкла. Ты неприлично смотришь на меня.

Олег облизнул пересохшие губы, лег рядом с женой и прижался к ее спине всем телом. Кристина не шелохнулась.

«Так. – Олег попытался хоть немного привести дыхание в порядок. – Кажется, Шерстка говорила, что это очень ответственный момент. Ей можно верить, она сама женщина. Итак, надо продвигаться к цели постепенно и медленно».

Он обнял Кристину чуть ниже груди и затих, как кот в засаде. Ему казалось, что шум крови в его голове можно слышать в полуметре от кровати. Жена дышала спокойно. Из большой комнаты иногда доносились голоса оставшихся гостей, кто-то осторожно шуршал в прихожей, видимо обуваясь. Дверь захлопнулась за последним гостем. Отец с матерью еще немного пошебуршились, и вскоре по исчезнувшей под дверью полоске света Олег понял, что родители тоже легли спать. Наступила полная тишина.

Обещание он сдержал, подумал Олег, теперь можно бы и получить законное. Он очень осторожно проследовал ладонью по коже Кристины, остановившись на упругой ягодице.

Он сделал это как бы невзначай, словно в полудреме просто решил сменить позу. Кристина засопела и перевернулась на спину.

«Ни фига она не спит, – заподозрил Олег. – Просто стесняется и хочет, чтобы это произошло как бы во сне. Нормально, поиграем в эту игру».

Он осторожно положил ладонь на живот девушки, стараясь уловить ритм ее дыхания. Затем опустил руку ниже, ощутив основание горячего пушистого бугорка. Между каждым движением он делал паузу не меньше минуты, чтобы это не выглядело как попытка заигрывания исподтишка. Между тем от Олега не ускользнуло, что Кристина задышала значительно чаще, а по ее коже растекся отчетливый жар.

«Ага, – отметил он. – Или не спит, или видит эротический сон».

Опустив руку еще ниже, Олег замер – под пальцами горячо ощущалось то место, к которому он так стремился. Боясь спугнуть удачу, он замер, чуть заметно поглаживая пальцем нежные складки.

«Господи!!!» – мысленно кричал он, сжимая другую руку в кулак.

Кристина шевельнулась, и Олег превратился в гранитную статую – неподвижную и почти не дышащую. В монолит с бешено колотящимся сердцем.

Кристина успокоилась. От каждого ее вздоха лобок под рукой Олега чуть приподнимался, а на выдохе опускался, те-

перь оставалось только приноровиться напрягать пальцы на вдохе и расслаблять на выдохе, делая тем самым несильные, но ритмичные надавливания. Ритм Кристина регулировала частотой своего дыхания, и, насколько Олег мог судить, он медленно, но неуклонно учащался.

Под пальцами быстро влажнело, и Олег стиснул зубы, не в силах больше сдерживать страсть. Он принялся считать от одного до десяти, затем в обратном порядке. Кристина дышала все чаще и чаще, она чуть развела бедра, открыв руке Олега более удобный доступ, которым он моментально воспользовался. Олег решил перейти в наступление, но жена засопела и собралась снова перевернуться на бок. Пришлось отступить на ранее занимаемые позиции, продолжая изматывающую игру в якобы случайные прикосновения. От грехота крови в ушах начала кружиться голова.

Кристина успокоилась и удобнее устроилась на спине. Теперь ее возбуждение было явным, оно перекачивалось по всему телу произвольными сокращениями мышц, но, как только Олег пытался хоть что-то изменить в свою пользу, она тут же зажималась. Наконец девушка напряглась всем телом, на несколько секунд задержала дыхание и отвернулась к стене, шумно выдохнув.

– Черненький, ты спишь? – Олег осторожно потряс ее за плечо.

Она не ответила.

– Черненький.

– Что? – отозвалась Кристина, будто только что проснувшись. – Гости уже разошлись?

– Давно. Я пытался тебя разбудить.

Она перевернулась на спину, выше подтянув одеяло.

– Олег, – тихонько, но твердо сказала Кристина. – Я знаю, что должно произойти в эту ночь, но я не могу так сразу. К тому же я очень устала, мне надо прийти в себя. Ты можешь меня понять?

– Да. Но ты обещала, – растерянно прошептал Олег.

– Знаешь, я могу прямо сейчас раздвинуть ноги и лежать как бревно, – раздраженно сказала Кристина. – Тебе станет от этого легче? Или ты подождешь, когда я действительно буду готова к этому?

– Подожду, – ответил Олег, чувствуя чудовищное разочарование и приближающуюся головную боль. – Я тебя очень люблю.

– Я знаю, – тихо ответила Кристина. – Спасибо. Если бы ты не был таким понимающим, я бы никогда не связала с тобой свою жизнь. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Черненький. – Олег закрыл глаза и не удержался от предательских слез.

Вздрагнув, он очнулся.

Машина с выключенным мотором пристроилась возле бензоколонки, а водитель стоял в коротенькой очереди у кассы. Олег отвернулся к окошку, глядя, как огни гирляндами нависают над дорогой. Шел густой снег, подгоняемый порывами ветра.

вами ветра, отчего свет оранжевых фонарей выглядел подвижным, словно рябь на воде.

Водитель вернулся и сел за руль, хлопнув дверцей.

– Мне надо было заправиться, – сообщил он, запуская двигатель.

Машина вывернула с автозаправки и помчалась к Садовому. Олег совершенно не ориентировался в надземной Москве, поэтому не имел представления, где проезжает и сколько осталось ехать.

– Где конкретно на «Девятьсот пятого года»? – поинтересовался водитель.

– Там должен быть боулинг «Солар».

– Знаю, – кивнул таксист.

За окном мелькнула знакомая вывеска ресторана, а через три квартала водитель прижал машину к бордюру. Олег расплатился и выбрался на тротуар. В центре города ветра практически не было, это создавало ощущение тепла, несмотря на сухо хрустящий снег под ногами. На родине Шерстюка, в Крыму, снег или вообще не выпадал, или быстро превращался в серую слякоть, от которой насквозь промокала обувь.

Олег поднял взгляд на яркую неоновую надпись «Солар», где вместо буквы «о» поблескивал выпуклый шар для боулинга. Охранник обвел его металлоискателем и разрешил пройти внутрь. В зале громко звучала музыка, лучи цветных фонарей заливали десять игровых дорожек. Над входом висело световое панно, изображавшее девушку в довольно от-

кровенной позе, и надпись «Добро пожаловать!» из мигающих разноцветных ламп. Олег невольно усмехнулся завертевшимся в голове мыслям.

Народу было много – у каждой дорожки по два-три человека, но, как и говорила Натали, парней среди них почти не было. Вдалеке виднелась длинная стойка бара, у которой тоже в основном толпились девушки. Олег пригляделся и почти сразу узнал свою новую знакомую. Она его тоже заметила и помахала рукой, что-то шепнув сидевшей рядом блондинке. Олег с самодовольной улыбкой двинулся к гардеробу.

«Так, – весело подумал он, – похоже, тут можно провести запоминающийся вечерок».

Он снял куртку, сунул номерок в карман брюк и направился к бару, ступая с самым независимым видом, на какой только был способен. Музыка нанизывала его движения на единый ритмический стержень, и Олег на секунду представил себя героем остросюжетного фильма, эффектно входящим в кадр. Так, вышагивая под заводные гитарные рифы, невольно подражая герою Траволты из «Криминального чтива», он приблизился к стойке и сел на свободный табурет рядом с Натали. Девушки, стоявшие возле нее, тут же обратили на него внимание. Олег приветливо помахал им рукой и еще шире расплылся в улыбке.

– Ты быстро управился, – усмехнулась Натали.

– Сказал – сделал, – солидно кивнул Олег. – Что пьем?

– Мартини, скотч, кальвадос... – Натали придвинулась

ближе, наклонившись к самому его уху. – Сейчас я тебя познакомлю с девчонками. Это все из нашей фирмы. Нравятся?

– Ну, в общем... – Олег оглядывался вокруг, и глаза его разбегались от обилия сверкающих улыбок, слишком высоко оголенных ног, обтянутых короткими юбками крепких задниц и вздыбленных модными лифчиками грудей.

Блондинка не выдержала и прыснула со смеху.

– Меня зовут Элеонора, – томно представилась она, еще раз хихикнула и протянула ему руку.

– Меня Олег, – сказал он и хотел пожать ее ладонь, но девушки засмеялись.

– Мы же не на деловой встрече, – заметила Натали. – Иногда руки девушкам целуют. Галантные кавалеры.

– Да ладно, не смущай Олежку. – Элеонора взмахнула длинными ресницами.

Остальные девушки окружили его, наперебой называя свои имена, но блондинка уже успела полностью завладеть вниманием Олега. Может быть, потому, что раньше у него никогда не было блондинок. Элеонора казалась ему мягкой и податливой.

«Кажется, она сама хочет не меньше меня, – с нарастающим возбуждением подумал Олег. – Вот она какая, Москва. Рад познакомиться!»

Вывеска «Добро пожаловать!» перед его мысленным взором вспыхнула еще ярче и замерцала разноцветными огнями.

ми. Олег пересел на сиденье, с которого только что встала Натали. Элеонора снова улыбнулась.

Ему показалось, что жар ее тела ощущается прямо через одежду. Девушка игриво наклонила голову, спрятав лицо в светлых локонах, и проговорила, облизнув губы кончиком языка:

– Выпьем?

От легкого придыхания в ее голосе Олег ощутил дрожь во всем теле.

– Легко, – ответил он, стараясь говорить непринужденно. – Что ты пьешь сегодня?

– А ты? Я хочу пить то же самое, что и ты, и оказаться с тобой на одной волне восприятия. Это все равно что плыть в одной лодке.

– Круто. Значит, мне нужно поскорее добраться до твоего уровня.

– Набраться, – поправила девушка. – До такого уровня можно только набраться.

Они рассмеялись, и Олег, пользуясь случаем, придвинулся еще ближе, чуть прижавшись к ее плечу.

– Я весь вечер хотел золотой текилы.

– Золотой? – Элеонора пьяненько подняла брови и повернулась к бармену: – Сделай две золотых текилы, пожалуйста.

Через минуту на стойку бара опустились две стопки с налипшей на краях солью и надетыми ломтиками лайма. Текила действительно была золотистой. Олег про нее только слы-

шал, но никогда не пробовал. Он взял свою стопку с некоторой опаской, не торопясь пригубить, чтобы посмотреть, как это делает Элеонора. Наличие соли и лимона на водочной стопке его несколько смутило.

Девушка эротично слизнула соль, подержала ее во рту, чуть причмокнула, затем залпом опрокинула стопку и закусила ломтиком лайма, отправив его в рот целиком.

Цок – пустая стопка ударилась доньшком о стойку.

Олег мысленно присвистнул, поразившись такой виртуозности, и повторил все действия одно за другим. По горлу прокатилась маслянистая жидкость, вкус которой тут же утонул в мягкой кислоте лайма.

Цок – стопка звучно щелкнула доньшком о стойку бара. Музыка на миг стихла, и в полной тишине по игровой дорожке прокатился шар, со стуком сбив несколько кеглей. Но тут же висящие у потолка колонки отозвались новой мелодией. Приятное легкое опьянение затуманило голову, оно не имело ничего общего с горьким водочным хмелем, от которого телу тут же становится жарко и бросает в пот. На сознание словно набросили тончайшую вуаль, отчего мир вокруг виделся чуть иным, не таким, как обычно.

– Повторим? – Олег вдруг решил, что ничего не случится, если он обнимет Элеонору за плечи. Действительно, ничего не случилось.

– Давай, – кивнула она, мягко прижавшись к нему всем телом.

Он повторил заказ. Выпили. Вторая стопка прошла еще лучше, окончательно сделав окружающее простым и понятным, лишенным каких-либо наносных условностей. Олег осторожно поцеловал девушку в шею. Она откинула волосы назад, чтобы ему было удобнее. Сердце Олега судорожно отбивало чечетку.

«Ту-ту! – проревел он мысленно паровозным гудком. – Сейчас у меня пар из ушей пойдет!»

– Еще? – сказал он вслух.

– Будет самое то, – влажно выдохнула Элеонора.

– Повторите, пожалуйста, – попросил Олег бармена, подумав вдруг, что «повторение» для третьей рюмки – не самое удачное название.

Впрочем, нужного слова все равно не отыскалось.

Цок, цок – встали на стойку две полные стопки.

Соль, текила, лайм.

Цок.

Цок.

Элеонора глянула на него с пониманием, глаза у нее блестящие, грудь тяжело вздымалась. Олег облизнул пересохшие губы и решил, что пора поцеловаться.

Элеонора повисла у него на груди мягкой теплой куклой, приведя его в совершенное неистовство.

– Сходи в мужскую комнату, – шепнула девушка, коснувшись кончиком языка его уха. – Там на стене висят два автомата. Ну, ты понимаешь...

Олег ничего не понял, но отправился туда, лихорадочно соображая, о чем идет речь. Он довольно быстро нашел белоснежную дверь с нарисованной фетровой шляпой. Рядом была такая же с дамской туфелькой. Оттуда неожиданно вышла Натали и приветливо подмигнула ему. Олег коротко кивнул, словно курсант кадетского корпуса, и скрылся за дверью мужской уборной.

Автоматов было два. На каждом из них красовалась надпись «Презервативы», но на одном пояснялось: «Для орального секса», а на другом – «Для безопасного секса». За обе вариации модельного ряда автоматы просили пятнадцать рублей пятирублевыми монетами. Олег порылся в кармане и отыскал лишь одну.

«Спокойно!» – мысленно сказал он себе и, решительным движением распахнув дверь, направился напрямик к стойке бара. Организм слушался беспрекословно, каждая мышца отрабатывала команды мозга, как рули самонаводящейся акустической торпеды.

Элеонора сидела к нему спиной, болтая с подсевшей Натали. Олег поманил бармена к самому краю стойки, подальше от девушек.

– Не будете ли вы так любезны, – он выложил на полированное дерево сторублевую купюру, – разменять мне это пятирублевыми монетами?

Лицо бармена оставалось невозмутимым.

– Без проблем. – Он достал из-под стойки объемистую

жестяную банку, доверху наполненную одинаковыми монетами. Обеими руками он синхронно зачерпнул по горсти, а потом движением опытного фокусника выложил двадцать монет в два безупречно ровных столбика. Купюра исчезла в кармане его белого фартука, бармен сосредоточенно кивнул, словно циркач после успешно выполненного трюка, и убрал банку со стойки.

Олег, расставив пятаки по карманам, поспешил в туалет. Несколько мгновений он поколебался, затрудняясь с выбором – брать на все деньги одну модель или позволить себе разнообразие. Решил разделить поровну, прикинув, что более трех предметов одного вида за ночь ему вряд ли понадобится.

Сменив презренный металл на выданные автоматами упаковки презервативов, Олег вернулся в зал.

Элеонора опять была одна. Рядом с ней на стойке томились в ожидании еще две стопки.

– Нашел? – спросила она Олега и подвинула ему стопку.

– Все в лучшем виде! – кивнул он и опрокинул очередную дозу.

– Ко мне? – Элеонора щекотнула волосами щеку Олега.

– К тебе! – с энтузиазмом воскликнул Олег и, подав руку даме, повел ее в гардероб.

Он с удивлением отметил, что многие другие девушки тоже почему-то засобирались. Они смеялись и кружились вокруг ярким цветастым хороводом. В голове Олега стало пу-

таться, запомнилось только, что он без конца подавал им пальто и помогал одеваться.

ГЛАВА 2

Олег проснулся и глянул на циферблат наручных часов.

– У-у-у... Черт.

Острый приступ головокружения заставил его зажмуриться.

Три часа дня, но в комнате темно. Свет хмурого дня с трудом пробивался сквозь щелочку между тяжелыми шторами. Олег вспомнил, как под утро, ввалившись в квартиру, задерживал их, приговаривая что-то о переходе на ночной образ жизни. На сиденье стула подсыхали грязные следы рифленных подошв. События прошедшей ночи проносились в сознании короткими вспышками, временами оставляя за собой мучительные шлейфы стыда. В голове бушевал шторм похмелья, в ушах шипело и потрескивало, как в динамике ненастроенного приемника.

«Нет, человек не должен так нажираться», – подумал Олег и вновь попробовал открыть глаза.

Острая жажда и вопль переполненного мочевого пузыря повелевали встать с постели незамедлительно. Олег подчинился и, пошатываясь, побрел сначала в туалет, а потом в ванную. Грязные следы ботинок виднелись на паркете и почему-то на кухонном столе. Память надежно скрывала подробности, но, судя по старому одеялу, которым вместо шторы было завешено кухонное окно, Олег успешно боролся со

светом по всей квартире.

Невесело усмехнувшись, он залпом выпил два стакана ледяной воды, но необходимое для утоления жажды количество жидкости в организме просто не помещалось. Пришлось остановиться и перевести дух. Кончиком языка он нащупал новую пломбу и две лунки от удаленных корней – последствия героического похода к дантисту. Сам поход помнился довольно фрагментарно, как и другие события ночи. В памяти отпечатались лишь сумма, уплаченная дантисту.

Не в силах до конца разогнуться, Олег вернулся в комнату и осмотрел карманы новенькой куртки. Портмоне найти не удалось, деньги тоже. Сердце обдало холодом, Олег принялся судорожно ощупывать куртку сантиметр за сантиметром, пытаясь найти хоть какие-нибудь остатки наличности. Уже отчаявшись и проклиная все на свете, он нащупал за отстегивающейся подкладкой левого рукава пачку долларов. Видимо, по пьяному делу он сунул то, что не успел обменять, не во внутренний карман, как хотел, а в небольшую щель под подкладкой, что и спасло часть денег от варварского разграбления. Придя в себя, Олег сосредоточился и с третьего раза насчитал тысячу.

– Офигеть можно. – Олег помассировал шею, чувствуя, как под пальцами медленно перемещаются узлы боли.

Если бы позавчера у него спросили, сколько денег ему нужно в месяц для полного счастья, он бы, не задумываясь, назвал сумму в тысячу долларов. Но практика показала,

что при определенном подходе этой суммой можно распорядиться значительно быстрее.

Отбросив куртку, он добрал до кровати и свернулся калачиком под одеялом. Тело сотрясалось в неприятном ознобе, голова раскалывалась от боли, а мышцы ныли, будто Олег час назад финишировал на марафонской дистанции. Он быстро погрузился в неустойчивое состояние между сном и бодрствованием, ворочаясь, скатываясь то в причудливый мир сновидений, то выныривая обратно в реальность. Этажом выше кто-то переставлял мебель. Ее грохот напомнил радиосводку о бушующей в Аризоне грозе, о кактусах и о золотой текиле, от которой в голове тоже бушевали громовые раскаты.

Две башни Национальной обсерватории Китт-Пик выделялись на фоне грозового неба черными силуэтами. Несмотря на утро, было почти темно, лишь яркие стволы молний беспрестанно вонзались в землю, высвечивая клубящиеся тучи и далекий конус горы.

Тяжелый закрытый джип с затемненными стеклами остановился возле кирпичного здания центрального входа и замер. Двигатель умолк, перестав дразнить раскаты грома. Водителю на вид было лет сорок, он выбрался из машины и, прикрывая воротником лицо от косого ливня, поспешил к зданию. Яркую кирпичную стену фасада украшало цветное космогоническое панно, а над дверью покачивался черный

фонарь в стиле ретро. Мужчина проскользнул внутрь и смахнул с волос воду.

– Привет! – кивнул он охраннику в форме и прицепил к карману рубашки бэдж со своей фотографией, именем и должностью.

– Здравствуйте, мистер Стренч, – кивнул охранник, делая пометку в журнале. – Вы желаете проехать на машине?

Вопрос был идиотским, и Стренч не стал на него отвечать. Охранник нажал на кнопку, открывающую ворота.

До машины снова пришлось бежать под дождем, но гроза уже потеряла силу, лишь изредка поражая землю светящимися трезубцами молний. Стренч сел за руль, неспешно тронул машину с места и поехал по внутренней территории. Досада из-за прерванного отпуска постепенно рассасывалась, осталось лишь глухое раздражение на проститутку, которой он оплатил трое суток пребывания в его апартаментах, использовал лишь половину времени, а денег обратно не получил. После работы надо будет разобраться с этой «фирмой массажных услуг».

Добравшись до нужного здания, Стренч запер машину и поспешил в раздевалку, где с удовольствием сменил мокрую одежду на синюю униформу, поджидавшую в шкафчике с цифровым замком. Он перевесил бэдж и накинул поверх формы белый халат.

– Привет, Майк! – окликнул Стренча светловолосый парень в такой же одежде, заходя в раздевалку. – Дерьмо соба-

чье эта гроза. Я выключил все основные приборы.

– Гроза скоро закончится, – ответил Стренч, – я видел сводку. Сколько у нас времени?

– Если все будет, как вчера, до всплеска осталось двадцать минут. Я думал, ты приедешь раньше.

– Я менял колесо по дороге, – соврал Стренч, снова вспомнив разозливший его конфликт. – Запускай оборудование.

Парень пожал плечами:

– Близкие разряды могут повредить входные контуры.

– Дерьмо собачье, Дэвид! – вспылил Стренч. – Я прервал свой отпуск и приехал сюда не для того, чтобы ты говорил мне о гребаных входных контурах! Включай оборудование.

Дэвид снова пожал плечами и скрылся в коридоре. Через минуту, успокоившись и пригладив волосы, в комнате управления двенадцатиметровым радиотелескопом появился и Стренч. Он сел в кресло возле пульта.

– Гроза кончилась, – сообщил Дэвид, барабаня по клавиатуре компьютера. – Но остаточные разряды еще шумят.

– Время?

– До часа «ноль» пятнадцать минут.

Стренч похлопал себя по карманам, но промокшие сигареты остались в шкафу. Дэвид искоса посмотрел на напарника – в операторском зале курить запрещалось.

– Расшифровка вчерашних и позавчерашних сигналов дала результат? – поинтересовался Стренч.

– Нет. Грозовая активность оказалась слишком высокой, сигнал был принят со значительным искажением. Обе записи я оставил на лентах, но кибернетики не смогли запустить их на расшифровку. Слишком забиты шумом. Судя по неискаженным фрагментам, позавчерашний и вчерашний сигналы полностью идентичны. Есть несколько совпадающих участков.

– Хорошо. – Стренч нервно потер ладони. – Я уверен, что мы поймали голос зеленых человечков.

– Не обязательно. – Дэвид пожал плечами. – Повторяющиеся сигналы могут быть...

– Я это знаю и без тебя! – вспыхнул Стренч.

– Наводка телескопа завершена, – холодно сообщил Дэвид.

– Время?

– Три минуты. Две пятьдесят девять, две пятьдесят восемь.

Стренч глянул на монитор, переводящий звуки Вселенной в понятный для человека графический вид. Пока лишь фон, обычный для этого участка неба. Иногда, все реже и реже, мелькали всплески далеких грозových разрядов. Дэвид установил таймер обратного отсчета и вывел его показания на монитор. Стренч не мог оторвать от них взгляда, словно это были не цифры, а блестящий шарик гипнотизера.

– Включи звук, – попросил он. – Я хочу это слышать.

Дэвид набрал код на клавиатуре компьютера, и зал напол-

нился шелестом и щелчками космоса. В хаосе атмосферных шумов отчетливо вскрикивал далекий пульсар, ровно пела старая остывающая звезда, перешептывались галактики.

Курить хотелось безумно, но Стренч заставил себя не думать об этом. Таймер размеренно отсчитывал последние десять секунд.

– Ноль, – тихо произнес Дэвид.

Показания таймера замерли, закончив отсчет.

– Где сигнал, мать его? – зло прошипел Стренч.

Прошло еще секунд пять. И вдруг в колонках зазвучал, нарастая, протяжный звуковой аккорд – гармоничный и грозный.

– Это он, – шепнул Дэвид.

– Срань господня... – Стренч привстал, слушая странные переливы звука.

Но чем дольше длился сигнал, тем сложнее он становился, теряя стройность и скатываясь к фальшивым обертонам. По экрану метались линии осциллограмм и плыли потоки цифр.

– Я пишу прямо в компьютер, – сообщил Дэвид. – Очень насыщенный спектр.

Стренч не ответил. Он стоял так, будто в колонках звучал не космический шум, а гимн Соединенных Штатов Америки.

Олег мучительно ворочался, безуспешно борясь с тошнотой и шумом в голове. Через некоторое время он оконча-

тельно заблудился в закоулках собственного сознания. Иногда он пересекал темные комнаты сна, заполненные кошмарными образами, иногда он ненадолго вываливался в светлые комнаты бодрствования, заполненные жаждой и трескучей головной болью. Хотелось вырваться на свободу, но кругом были лишь светлые и темные комнаты – никакого намека на окна или двери наружу. Да и куда – наружу? Олег с ужасом понял, что единственный выход из этого кошмарного здания ведет в темный, сырой и душный подвал, пахнущий тлением и безмолвием. В подвале валялись скелеты.

Один из скелетов чуть повернул выбеленный череп, грациозно убрал паутину с лица и сказал сладким голосом Кристи:

– Где же ты так нажрался, скотина?

Он вскрикнул, прорвался в реальную комнату, где лежал, скрючившись, на диване, но разум не удержался, побалансировал несколько мгновений и снова рухнул в темноту. Придя в себя в очередной раз, бесстрастно отметил, что находится в чрезвычайно необычном помещении. Посреди него высилась огромная пирамида из небольших золотых дисков, в которых с определенной долей сомнения можно было узнать старинные монеты. Олег никогда еще не видел столько золота, но не это было главным – он понимал, что золото само по себе почти ничего не значит. Люди убивают друг друга не за тусклый желтый блеск, а за власть, которую он дает. Помещение было наполнено властью, ее можно было черпать

ладонями и набивать ею карманы.

Раздался сипловато-прокуренный женский смех, и тьму комнаты прорезали цветные лучи прожекторов. Олег сидел за столиком в ночном клубе, веселый и пьяный, а у него на коленях устроилась белокурая девушка, худенькая и легкая, как пушинка. Он не помнил, как попал в этот клуб, он не помнил его названия, но ему даже в голову не пришло, что это имеет хоть какое-то значение.

Лучи прожекторов разъехались в стороны, залив помещение ярким белым светом, и Олег едва не уткнулся лицом в писсуар. Из писсуара пахло клубникой, а вокруг все было отделано сверкающим кафелем. Пол тоже был кафельным, мокрым, в нем отражались яркие светильники под потолком. Отвернувшись от писсуара, Олег увидел другую девушку, черноволосую, стоящую перед ним на коленях и дергающую застежку на его брюках. Эту он не знал совсем. Все закружилось перед глазами, и он упал спиной на пол, тупо уставившись в кафельную стену. Над ним склонился улыбающийся дантист с огромным стеклянным шприцем в руке.

– А у вас, молодой человек, изо рта воняет, – усмехнулся доктор, выпуская из иглы тонкую прозрачную струйку. – Будем усыплять-с.

Олег дернулся, почувствовав острый укол в бедро, в лицо пахнуло ледяным ветром, яркий свет собрался в один слепящий круг, оставив остальное пространство черным. Олега били ногами – не зло, скорее для порядка, потом куда-то

поволокли. Он равнодушно смотрел, как мимо проплывают дворовые лавочки, заснеженные качели и столик, на каких пенсионеры любят играть в домино.

Потом его рвало, он замерз и ломился в закрытый подъезд, его снова били, на этот раз совершенно другие люди и с гораздо большим усердием. Он гнался за кем-то, сидел на дорожном бордюре, а хмурый кавказец рылся в его карманах и приговаривал:

– Зачем тогда ехал? Платить надо!

Наконец кавказец психанул, сел в машину, и она исчезла в темноте. Остались только ветер и качающийся свет фонаря. Снег падал густо, большими пушистыми хлопьями, иногда закручиваясь вихриками. Олег встал и пошел вдоль дороги, постепенно трезвея от пронизывающего ветра. Он еще никогда не видел Москву настолько пустынной – за десять минут ни одна машина не прощуршала мокрыми шинами по асфальту, ни один пешеход не мелькнул в оранжевом свете фонарей. Можно было подумать, что город мертв, что в нем вообще нет людей. Может, и были когда-то, но давно вымерли, отравившись плохой водой, выхлопными газами, наркотиками и дешевой водкой, перестреляв друг друга в бессмысленных стычках за деньги и власть, что, в сущности, одно и то же. Они все могли умереть от СПИДа, так и не найдя вакцины против него, они могли состариться и умереть, не оставив потомства в однополых браках. Город превратился в пронизанную ветром пустыню из бетона и льда – любая из тысяч

случайностей могла стать причиной этому.

Олег брел вдоль дороги, кутаясь в новенькую куртку, и на припорошенном снегом асфальте виднелись только его следы. Огромные дома приближались, нависали над ним, проплывали мимо, словно надгробные плиты на кладбище. Параллельные линии бордюров пересекались в пространстве воображения, напрочь отрицая законы Евклидовой геометрии. Олег решил, что двигаться надо точно между ними. Он перелез через сугроб и выбрался на середину дороги. Ему хотелось поскорее добраться до места пересечения бордюров, и он ускорил шаг, боясь до смерти замерзнуть под порывами ледяного ветра. Наконец остановился, достигнув цели. Дорога кончилась, бордюры пересеклись, превратившись в идеально круглую клумбу. Посреди нее из земли торчал бетонный фонтан, похожий на излучатель антенны в фокусе параболической чаши бассейна. Рыхлый снег заполнил его больше чем наполовину, но от этого сходство с антенной радиотелескопа только усиливалось. В воздухе над бетонным стержнем висела абстрактная металлическая фигура. По мере того как она проворачивалась вокруг своей оси, ее вид вызывал самые разные ассоциации. Она ни на чем не держалась, не было видно ни тросов, ни подпорок – ажурная конструкция просто висела в воздухе, окутанная неясным туманным сиянием.

Олег задрал голову, любясь необыкновенной скульптурой, а падающий с черных небес снег усиливал и без того

щекочущее чувство полета. Это было необыкновенное ощущение. Казалось, еще чуть-чуть, и у него родится какое-то необыкновенное открытие. Все разгадки самых сокровенных тайн Вселенной были скрыты в форме и движении этой конструкции, казалось, еще один оборот, и станет ясно, что управляет звездами.

Олег проснулся, задыхаясь от безумного восторга; в последний миг перед пробуждением он отчетливо осознал, что успел-таки понять наиглавнейший закон мироздания – закон, по которому рождаются атомы и умирают галактики. Но чем дальше отступал сон, тем сильнее разрушалась, казалось бы, безупречная логика построений, а уже через минуту Олег не мог вспомнить, в чем же, собственно, состояло его открытие. Еще пару минут в памяти крутились бессвязные обрывки откровения, но и они исчезли вместе с последними остатками сна. Лишь самый яркий образ прочно засел в памяти – исполинский фонтан, похожий на антенну радиотелескопа, и вращающаяся в воздухе конструкция.

– Вот черт... – Олег потер лицо ладонями. – Что-то ведь очень важное пришло в голову.

Он снова напрягся, пытаясь вспомнить, но ничего не вышло. Было лишь ясно, что замечательная идея, пришедшая во сне, как-то связана с формой загадочной конструкции.

В комнате было темно, пришлось встать с кровати и шлепнуть по выключателю. Яркий электрический свет заставил сощуриться, но глаза довольно быстро привыкли. Часы по-

казали половину шестого.

– Подъем! – сам себе скомандовал Олег и взъерошил волосы.

Голова уже не болела так сильно, но тяжесть в затылке, тошнота и легкое головокружение все равно не давали почувствовать себя комфортно. Глянув в зеркало, он ужаснулся – под глазами мешки, цвет лица нездоровый, сами глаза лихорадочно блестят. Казалось, события безумной ночи изменили не только его внешность, но и душу. Это на мгновение вызвало панику, но усилием воли он заставил страх отступить.

«От чрезмерной нагрузки на печень всегда бывает депрессняк», – любила наставлять Шерстка.

Похоже, она оказалась права. Как обычно.

Подумав, Олег решил, что ударная доза глюкозы и аскорбиновой кислоты пришлась бы весьма кстати. Ему представилась кисть винограда с бисеринками капель на пронизанных светом ягодах. В Москве его можно купить и зимой. Если есть деньги, конечно.

Сухо затрещал телефонный звонок. Олег присел на корточки и снял трубку.

– Алло, – еле слышно произнес он.

– У тебя что, грипп? – раздался голос на другом конце провода.

– Шерстка? Привет, ты откуда?

– От Иришки. Я уже приехала, Витька нас забрал на ма-

шине с вокзала.

– Он тебя домой довезет?

– Конечно. Сейчас мы разгрузимся и поедем. Я буду дома минут через сорок. Там есть хоть намек на еду?

– Есть, – усмехнулся Олег.

– Вот как? Интересненько. Неужели устроился?..

– Ага.

– Поздравляю. Ладно, приеду, расскажешь.

– Хорошо. А что бы ты хотела на ужин?

– Ого! Таких вопросов я от тебя раньше не слышала.

– Нет, ну серьезно?

– Ну, раз серьезно, тогда я выпила бы коньяку с черной икоркой. Курочка-гриль не помешала бы, – съязвила кузина. – Ладно, хватит дурачиться. Все, я еду.

В ухо толкнулись короткие гудки. Олег положил трубку, потер лоб и помассировал шею. Хотел было открыть шторы, но сообразил, что за ними уже непроглядная темнота.

– Кажется, я знаю, как чувствовал себя Аладдин, впервые применивший волшебную лампу. – Он потер руки и прикинул, сколько понадобится денег на выполнение экзотического заказа сестренки.

Наспех одевшись, Олег взял пакет и приступил к ритуалу отпирания входной двери. Это был довольно сложный ритуал – пластиковая ручка сломалась еще до его приезда в Москву, а на замену замка у Шерстки не хватало ни времени, ни денег. Поэтому изнутри она приноровилась отпирать

дверь отверткой, которая специально для этих целей лежала на тумбочке в прихожей. Олег так и не научился делать это с присущим кухне изяществом, но со второго-третьего раза и у него получалось повернуть непослушную бороздку в нужное положение.

Вечер оказался еще ветренее, чем вчерашний, снег шел не хлопьями, а ледяными иголками, неприятно царапавшими лицо. Одинокий уличный фонарь мелко подрагивал на столбе, словно его знобило от пронизывающего холода. Светофор одноглазо пялился в темноту зеленым кошачьим взглядом. Олег пересек дорогу и углубился в насквозь продуваемые ветром дворы, заставленные брошенными на зиму автомобилями. Они вызывали назойливую ассоциацию с динозаврами, ждущими палеонтологов под толстым слоем известковых пород. Олег попытался представить, какими могут быть сны, которые снятся им долгими пустыми ночами, – это были видения, наполненные солнцем, запахом перегретого асфальта, детским смехом, плеском озерной воды и шашлыками, нанизанными на блестящие шампуры.

Шум в голове не утихал, и теперь мозг, привыкнув к однообразному шелесту, машинально пытался отыскать в нем упорядоченные звуки. Один раз Олег расслышал знакомый музыкальный мотивчик, мелькнувший на грани восприятия, а проходя через детскую площадку, различил нечто похожее на слова, произнесенные женским голосом.

«Текилу больше не пью», – решил он.

Когда впереди мелькнули огни метро, похожие на праздничную иллюминацию, Олег улыбнулся. Наконец-то он шел за покупками, наслаждаясь возможностью потратить деньги. Добравшись до ближайшего магазинчика, Олег обменял сначала доллары на рубли, а затем рубли на два килограмма отборного винограда, три лимона, две бутылки коньяку, две банки черной икры, два цыпленка-гриль и батон хлеба. Сам он вполне ограничился бы виноградом, но хотелось произвести на Шерстку неизгладимое впечатление. Подумав минуту, Олег спустился в метро и приобрел уже подключенный мобильный телефон.

Вернувшись домой, он выложил продукты на стол и оглядел свою комнату на предмет беспорядка, взбучка за который может последовать, даже несмотря на черную икру. Пришлось закатать рукава, чтобы при помощи тряпки и веника устранить следы вчерашнего безобразия. Особое внимание пришлось уделить кухне, которая вся была истоптана следами протекторов новых ботинок.

После уборки Шерстюк занялся изучением мобильного, которым никогда раньше не пользовался. Он пробежал глазами несколько пунктов инструкции и поставил аппарат на зарядку аккумуляторов, как рекомендовал продавец. Олег хотел было позвонить куда-нибудь для пробы, но в подъезде слышались знакомые шаги. Отложив телефон, он бросился отпирать дверь, чтобы Шерстке не пришлось возиться с ключами. Наконец отвертка провернула замок в нужное по-

ложение.

– Приветик. – Люда улыбнулась ему и, вручив две тяжелые сумки, захлопнула дверь. – Витька не стал подниматься.

– Все еще дуется на меня?

– Есть такое дело. Очень уж он не любит приезжих.

– Да знаю я его концепцию, – отмахнулся Олег, расставляя сумки в коридоре. – Сам пьет как сапожник, а виноваты приезжие.

– Вас действительно понаехало слишком много. – Кузина пожала плечами и устало присела на стул в кухне. – И лучшие места чаще всего достаются именно вам.

– Ну а вам кто мешает их занять? – удивился Олег.

– Так вы же прете, как камикадзе! С вами конкурировать невозможно, вы не боитесь авантюр, потому что вам терять нечего. Ты, правда, здорово отличаешься от всей этой братии... – Она запнулась, потянув носом воздух. – У тебя пахнет курицей-гриль?

– Она прямо перед тобой, – рассмеялся он, – в фольге!

Шерстка оторопела.

– На какие шиши? – осторожно спросила она.

– На заработанные, – гордо заявил Олег. – Вчера я устроился на работу и получил аванс. Четыре тысячи.

– Баксов? – не поверила Шерстка.

– Ну не рублей же. Правда, не все в личное пользование. Новый начальник дал мне два дня на отъедание, отмытие и приведение себя в порядок. Я зубы сделал. – Олег приоткрыл

рот и стукнул ногтем по новенькой пломбе. – Еще он приказал переходить на ночной образ жизни. Вот я и зашторился, чтобы отвыкнуть от солнечного света.

– Неожиданно, но любопытно. – Людмила порылась в кармане шубки, пытаясь найти сигарету, и Олег с самодовольным видом выложил на стол пачку «Кента».

Они по очереди прикурили от лежащей на столе зажигалки.

– Завидую белой завистью, – вздохнула Шерстка. – Наверное, есть какой-то кайф в стабильности, в ежедневной работе и ежемесячной оплате труда. Хотя это явно не для меня.

Зазвонил телефон, она сняла трубку.

– Да, – сказала она. – Я и есть Людмила Шерстюк. И что, это так срочно? Хорошо, заберу. Сейчас я точно не могу сказать. Ну, в пятницу вас устроит? Хорошо.

Она положила трубку и хмуро вернулась за стол.

– Из галереи звонили, – объяснила она. – Просят забрать скульптуры.

– Не покупают? – посочувствовал Олег.

– Покупают, работы ведь хорошие. Но платят мало. Зачем галерейщику занимать место моими скульптурами, если находится уйма народу, что приплачивают ему за экспозицию? Его можно понять. Для хороших заработков нужна известность, а спонсора, чтобы провести пафосную выставку, у меня нет. Я хочу найти человека, который решит заработать вместе со мной. Жаль, что никто не понимает, сколько на

этом можно срубить при минимальной раскрутке. Всего-то и надо сделать пару статей в прессе о «самой модной скульпторше Москвы», шумную презентацию и пару персональных выставок где-нибудь в центре.

– И деньги можно будет лопатой черпать, – с ироничной ухмылкой закончил Олег.

– Зря ты прикалываешься. А впрочем, мне по фигу. – Кухина поискала глазами пепельницу, но та была в комнате. – Ты специально для меня накопил все это?

– Ты же сказала, что хочешь.

– Я пошутила, а ты решил поиграть в волшебника. Мобила в комнате, надо думать, тоже твоя?

– Моя. Только я играю не в волшебника, – уточнил Олег, – а в Аладдина с волшебной лампой.

– А без лампы что делать будешь? Опять на помойку? Терпеть не могу, когда на кого-то сваливаются халявные заработки. Хотя курочку я бы съела. – Она с любопытством раскрыла фольгу. – Особенно под коньячок. Хоть что-то приятное за сегодняшний день.

Олег принес пепельницу и достал из кухонного шкафчика пару бокалов. Раньше любые его попытки напиться в одиночестве Люда пресекала на корню, да и сама не очень-то жаловала спиртные напитки. Разве что в праздники. Но, видимо, сегодня ей самой необходимо было расслабиться.

– Налегай, – сказал он, – а я лучше винограду поем. С бодуна никакого аппетита.

– А я думала, ты простыл, – ехидно прищурилась Шерстка.

– Нет, это я вчера праздновал начало новой жизни. До сих пор шум в голове.

В комнате затрещал телефонный звонок, и Шерстка опять сняла трубку.

– Это тебя. – Она удивленно пожала плечами. – Но не Крыська.

Олег удивился не меньше и, взяв телефон, перебрался в комнату. Знакомых в Москве у него не было, поэтому факт звонка вызвал в душе смутную тревогу.

– Да, – сказал он. – Нет, все нормально. Вчера я его посетил. Нет, все нормально. До свидания.

– Кто это? – спросила из кухни Шерстка, стряхивая пепел в пепельницу на столе.

– Джинн из волшебной лампы, – озабоченно ответил Олег, возвращаясь из комнаты.

– Новый начальник?

– Да. Вадим. Интересовался, нормально ли я себя чувствую после посещения дантиста.

– Что они с тобой носятся, как с ребенком? Что за контора такая?

– Охранная фирма.

Шерстка задумчиво затушила окурок.

– Очень странная фирма. Такие деньги так просто не дают. Все-таки лучше бы ты искал работу по специальности,

честное слово. Сейчас ты нормально выглядишь, попробовал бы. Зачем тебе эта охрана? Что ты в ней понимаешь?

– Ну знаешь, – вздохнул Олег. – Сюда меня взяли, а архитектором никто не берет.

– Конечно. Ты думаешь, тебя сразу возьмут на приличную должность? Начал бы с какого-нибудь помощника. На черта тебе московская прописка, если все равно работать в охране? Оставался бы тогда в Крыму, там жизнь на порядок дешевле.

– Назад не поеду, – упрямо покачал головой Олег. – А охрана – это временное явление. Чуть-чуть поднимусь и попробую устроиться в проектную фирму. Обещаю.

– Ладно. Ты что-нибудь рисовал в мое отсутствие?

– Даже если бы рисовал, тебе все равно не стал бы показывать.

– Вот как? – Люда чуть обиженно вздернула брови.

– Опять начнешь придирааться, – пояснил Олег. – У меня после твоей критики руки окончательно опускаются. Хорошо, если бы по делу, а то цепляешься к мелочам – то нет целостности, то попса, то «где-то я это видела». Я стараюсь, душу вкладываю, а ты мешаешь мою работу с дерьмом.

– Если бы вкладывал душу, я бы только хвалила. А ты халявишь. Мог бы дотянуть – но не обращаешь внимания на важные мелочи, спешишь, с аккуратностью у тебя тоже проблемы. Иногда мне жалко твои работы, честное слово. Если бы в них не было ничего, я бы не советовала тебе устроиться архитектором. Но ведь есть. Есть! Но то ли ты боишься вы-

разиться как следует, то ли вообще хрен знает что.

– Ты, главное, не выгоняй меня раньше времени, – попросил Олег. – Дай заработать денег. С ними у меня появится хоть немного свободы, и я сам выберу, чем заняться. Если бы ты меня не прописала к себе, я и в охранную фирму не устроился бы. А так будут деньги – прорвемся. Я и тебе помогу. К тому же на днях нас с тобой разведут, и ты снова станешь свободна в личной жизни.

– С этим как раз спешить совершенно не обязательно, – пожала плечами Шерстка. – Замуж я не собираюсь пока. Только лишняя беготня с этим разводом.

– Я бы тебя не напрягал, но Кристина настаивает. Ты же знаешь, какая она подозрительная.

– Честно говоря, не понимаю, что вас связывает.

– Тебе трудно судить со стороны.

Шерстка пожала плечами:

– Конечно, но, честно говоря, ваш брак выглядит искусственно. Так бывает, когда женятся из-за внезапно возникшей беременности. Или из-за прописки. – Она усмехнулась.

Олег не ответил. Этой темы они касались не впервые, но развивать ее Олег не был готов.

– Зря ты им дал наш телефон, – сказала Шерстка. – В этих охранных конторах полно бандюков. За что они тебе платят такие деньги?

– Я им подошел по внешним данным в охрану одной престарелой и богатой дамы, – с ходу соврал Олег.

– Да? А что входит в услуги охранника? – фыркнула Люда. – Хотя мне, конечно, все равно... Вообще-то так набирают девушек в салоны красоты и массажные кабинеты.

– Ты мне завидуешь. Теперь ты не сможешь меня пилить за то, что я не зарабатываю денег.

– Иди ты... – Шерстка встала со стула, сняла со спинки шубку, повесила ее на вешалку в коридоре.

Она осталась в тесном свитере и облегających джинсах, на ногах у нее были толстые шерстяные носки. Сердце Олега несколько раз стукнулось в ребра, но он взял себя в руки, хотя желание подойти и обнять ее было чудовищным. Среди царственных особ к бракам среди кузенов относятся как к чему-то само собой разумеющемуся, но родители Олега и Шерстки наверняка имели по этому вопросу однозначно негативное мнение. Поэтому сейчас свое местонахождение Олег тщательно скрывал и не имел никакого права поднимать телефонную трубку.

Ему казалось, что Шерстка все видит и все понимает, он иногда ловил себя на мысли, что нарочито грубоватое поведение кузины мотивировано исключительно маскировкой женских качеств, чтобы не возбуждать его понапрасну.

– Не злись, – с трудом выдавил он.

– Да не злюсь я, – быстро оттаяла Шерстка. – Просто с дороги умаялась. Ты же знаешь, что значит долго общаться с Леночкой.

– Точно. Не позавидуешь.

Олег разлил коньяк по бокалам.

– За твой приезд, – предложил он.

Чокнулись. Людмила сделала большой глоток и тут же впилась зубами в отломленное куриное крылышко.

– Мне еще сегодня к дантисту, – с тоской вспомнил Олег.

– Ночью? – удивилась Шерстка.

– Шеф велел переходить на ночной образ жизни.

– Ну-ну, – кивнула Люда. – А трусы новые, с «молнией» на заднице, он не велел тебе купить?

Олег отпил коньяку и покачал головой.

– Странно. – Девушка ехидно пожалала плечами.

– Да ладно тебе, – отмахнулся Олег. – Поди, плохо вылечить зубы за чужой счет?

– Чужих счетов не бывает. Слушай, а ты на тачке поедешь?

– Да, Вадим запретил ездить на метро.

– Еще раз напомнишь про своего Вадима, в рог дам, – пообещала Людмила. – Поехали вместе, а? Так хочется на машине покататься...

– Поехали, – улыбнулся Олег. – Только я не знаю, можно ли к этому доктору приходиться вдвоем.

– Расслабься, – отмахнулась Шерстка. – Он ведь не выгонит на мороз симпатичную девушку! Сколько ему лет?

– Около полтинника на вид.

– Не выгонит, – уверенно заключила Люда.

Мысли Олега снова вернулись к их родственным связям с

Шерсткой. Интересно, как бы она относилась к нему, не будь их отцы родными братьями?

– Ку-ку! – Она отвлекла его от фантазий. – Поехали прямо сейчас. Пить тебе больше все равно нельзя, а то наркоз не подействует.

– Ты переоденешься или прямо так?..

Шерстка задумалась.

– Я бы минут на пятнадцать с удовольствием погрузилась в горячую ванну.

– Ну, так давай. Я пока займусь курочкой, а то после удаления зубов кушать придется не скоро.

Пока Люда плескалась в ванне, напевая модную песенку, Олег все же допил коньяк и закусил куриной ножкой. Голос девушки доносился довольно отчетливо:

Полбанки шампуня
И кран до упора.
Уснет за стеной
Заколдованный город.

Замолкнут трамваи,
Метро, тротуары,
Машины, колеса,
Троллейбусы, фары.

Минут через десять Шерстка вышла, на ходу натягивая свитер.

– Кайф, – поделилась она впечатлениями. – Ничего нет лучше горячей ванны после ночной маеты в поезде. Я бы только попросила тебя в следующий раз не разбрасывать где ни попадя свои трусы.

– Вот я напился... – Щеки Олега запылали.

– Кстати, поздравляю, – еще ехиднее усмехнулась Шерстка. – Свое трудоустройство ты отмечал, насколько я поняла, не один.

– С чего ты взяла? – осторожно поинтересовался Олег.

– На твоих трусах, которые там валяются, – она показала пальцем через плечо, – отчетливые следы губной помады. Надеюсь, ты не сюда притащил свою пессию?

– Нет, – выпалил Олег, покраснев до корней волос.

– И то хорошо. – Девушка открыла ключом свою комнату и исчезла за дверью. – Она-то хоть не отказала тебе? Можно поздравить?

– А тебе-то что?

– Ничего. Ладно, сейчас волосы подсушу. Я быстро.

Из комнаты донеслось еле слышное гудение фена. Олегу показалось, что шум в голове заметно усилился, в нем появился новый оттенок.

– Только попробуй какую-нибудь заразу подцепить, – донесся до Олега голос кузины, – живо покатишься к своей Крысе!

Олег почему-то улыбнулся, услышав в голосе Шерстки неподдельный гнев. Он был почти уверен, но все-таки не ре-

шился подумать, что Люда его попросту ревнует.

– Не было у меня никаких походов, – попробовал оправдаться он. – Я нарвался на каких-то разводчиц. Зама-нили в ночной клуб, напоили и отобрали все деньги, какие нашли.

– Много? – В голосе Шерстки прозвучал явный интерес.

– Баксов пятьсот – точно. Может быть, больше.

– Хорошо! – воскликнула Люда.

– Что же в этом хорошего?

– Нормальная плата за обучение жизни в Москве. За та-кую плату и урок, видимо, был хороший.

– Это уж точно, – невесело усмехнулся Олег. – Хватит на-долго.

Кузина выключила фен и вышла из комнаты, расчесывая свои недлинные, но очень густые волосы, пахнущие шампу-нем и теплом.

– Ты оделся? – спросила она.

– Да, уже обуваюсь. – Олег наклонился, завязывая шнурки на ботинках.

Он мог бы поклясться, что, когда она выключила фен, в его голове раздался болезненный щелчок, после которого шум в ушах стал тише.

«Радиоволны я слышу, что ли? – удивился он. – Хотя нет, тогда бы музыка играла, наверное».

– Что с тобой? – Люда внимательно глянула на него. – Му-тит с похмелья?

– Мутит, – вздохнул Олег, просовывая руки в рукава куртки. – Еще и в голове шумит.

Шерстка легко справилась с замком, и они вышли на улицу, ежась от резких порывов ветра. Добравшись до дороги, Олег поднял руку. Одна из машин остановилась, и он быстро договорился с водителем. Они уселись вместе с Шерсткой на заднее сиденье. Машина тронулась, водитель включил негромкую музыку. Голубоватый свет фар ярко высвечивал мечущиеся перед радиатором снежинки.

– Что-то ты какой-то загруженный, – сказала Шерстка. – Совсем плохо? Вроде после стопки коньяку должно быть полегче.

– Нет, не в этом дело. – Олег покачал головой. – Мне сегодня очень странный сон приснился. Понимаешь, показалось, что на меня снизошло величайшее озарение. Но сколько я ни пытаюсь, не могу вспомнить, в чем именно оно заключалось.

– А сон помнишь?

– Фрагментарно. Но один момент запомнил очень четко. Прикинь, стою я на какой-то площади, посреди нее огромный фонтан удивительной красоты, а над ним прямо в воздухе медленно крутится здоровенная ажурная конструкция. Больше всего она была похожа на сотню переплетенных и взаимопроникающих треугольников, вонзающихся друг в друга под разными углами. Ночь, холодище, ветер, а я стою и пялюсь на эту штуку в состоянии полнейшего блаженства. В этот момент мне в голову пришла какая-то важная мысль,

но я проснулся и тут же потерял ее суть.

– Скорее всего, никакой сути не было, – предположила кузина. – Знаешь байку про мужика, который открыл ЛСД?

– Про то, как он на велике куда-то уехал?

– Нет. Про спичечный коробок.

– Этого не слышал, – признался Олег.

– Короче, смысл в том, что он нажрался «кислоты» и его начало глючить. Очнулся он с ощущением величайшей догадки, очень важной для всего человечества, но не мог вспомнить, в чем именно заключалось открытие. Тогда он рискнул провести повторный эксперимент. Приняв наркотик второй раз, он успел на спичечном коробке записать величайшую мудрость, которая его озарила.

– И что там было написано? – Олег заподозрил подвох.

Девушка улыбнулась и процитировала:

– «Сколь бы ни был велик банан, а шкурка все равно больше».

Олег не удержался от смеха, водитель тоже широко улыбнулся.

– Все эти сонно-наркотные истины, – добавила Шерстка, – не стоят и выеденного яйца. Это я тебе говорю как художница, которая ради вдохновения испробовала многое. Во сне и под «кислотой» любая мелочь кажется необычайно важной, точнее, все на свете кажется равнозначным.

– Ты думаешь? – расстроился Олег.

– Совершенно уверена. И моя уверенность подтверждена

многочисленными исследованиями Гроффа и Хофмана.

Они помолчали, глядя, как за окнами проплывают огни ночного города.

– В обычной жизни человек не обращает внимания на мелочи. – Люда задумчиво откинулась на спинку сиденья. – Поэтому поиск всеобщих причинно-следственных связей вроде размера банана и его кожуры не входит в его повседневную задачу. Человек занимается более важными, на его взгляд, проблемами вроде взаимодействия ядра атома с электроном. Но во сне все имеет равную значимость: и банан, и атом, – поэтому после пробуждения у тебя остается некоторая эйфория открытия.

– И много раз ты пробовала «кислоту»? – насторожился Олег.

– Приходилось, – отмахнулась кузина.

– И как?

– Чушь это все. Бессмысленное прожигание времени и жизненных сил. Сознание она действительно расширяет, но это халыва. Того же эффекта можно достигнуть без всякой химии, я в этом убедилась на личном опыте. Если хочешь понять что-то действительно важное, вовсе не обязательно лизать «марки». Вот лично я под «кислотой» ничего нового для себя не открыла, то же самое ощущение дает определенный настрой, или медитация, или когда тебя распирает от желания сделать нечто совершенно грандиозное.

– Вроде скульптур?

– Да, многие из них я делала именно в таком состоянии.

– В творческом экстазе, – усмехнулся Олег.

Шерстка словно не заметила легкой иронии:

– При некоторой тренированности войти в него не представляет труда. Это не просто вдохновение, которое может снизойти на тебя, а может посетить другого. Нет. Это некая душевная технология. Я, например, твердо знаю, что уверенность в собственных силах реально повышает любые возможности человека: и умственные, и физические, и эмоциональные.

– Ну, это уже мистика, – отмахнулся Олег.

– Нет! Ты что, не слышал о людях, которые ради спасения собственной жизни делали совершенно невозможные вещи?

– Вроде перепрыгнутых трехметровых заборов? Мне кажется, эти рассказы заменяли бульварную прессу, которой не было в Советском Союзе.

Люда пожала плечами и отвернулась к окну. Некоторое время ехали молча, водитель закурил сигарету, а у Олега в голове то и дело проскакивали непонятные щелчки, особенно когда машина обгоняла троллейбусы. Девушка снова повернулась к нему.

– Тебе что больше всего нравится из моих работ? – задала она довольно неожиданный вопрос.

– Очень многое, – честно ответил Олег.

– А что больше всего?

– Ну... Наверное, «Баран» и «Торпеда».

– Какая «Торпеда»? Которая похожа на ржавый член?

– Нет. Эта как раз мне не нравится. Пошлая. Меня приколола та, скрюченная, с акульими плавниками и карбюратором вместо сердца.

– Я ее переименовала в «Тварь», – сообщила девушка. – Ехала в поезде, и у меня вдруг случилась такая просечка. Щелк в голове.

– У тебя тоже щелкает? – удивился Олег.

– Что – щелкает? – Шерстка удивленно распахнула глаза.

– Ну, в голове.

– В голове? – переспросила кузина.

Машина резко повернула на Садовое, проскочила под носом у огромного джипа и замерла на светофоре на Зубовской площади. Двигатель урчал на холостых оборотах. Вокруг сгрудились другие автомобили, очень разные, припорошенные тонким слоем снежных иголок, сверкающих в свете оранжевых фонарей.

– А знаешь, почему тебе нравятся мои скульптуры? – Шерстка глянула на Олега серьезнее, чем обычно.

Он не ответил, только заинтересованно поднял брови.

– Потому что я сама себя делала. Это честно – делать саму себя. Это такой выброс энергии, после которого зритель вспыхивает как свеча. Не может не понравиться вещь, в которую вложено столько энергии – мыслительной, эмоциональной, да и физической, между прочим. Но для выражения этих чувств необходима очень высокая уверенность

в собственных силах и в собственной правоте. Достаточно ее хоть немного нарушить, и вся энергия пропадет впустую, выродится в угоду какому-то отдельному слою потребителя. Это в искусстве самое страшное.

– Ты хочешь сказать, что и в «Баране», и в «Твари» есть что-то от тебя самой? – удивился Олег.

– Не что-то! – Кузина мотнула головой, рассыпав по плечам пушистые локоны. – Половина моих скульптур – это я сама. Только в разном настроении, в разном состоянии. Иногда это какие-то фрагменты меня. Например, «Баран» – это мои мечты, а «Тварь» – это моя собственная трусость и подлость.

Она задумалась, подыскивая подходящее объяснение.

– Любой человек носит в себе одновременно героя, глупца, мудреца, труса и подлеца. И еще множество других ипостасей. Какая из них победит, так и будут воспринимать человека окружающие. Но ни одна из них не исчезает полностью до самой смерти. А после смерти остается только одна.

– Которую помнят другие?

– Вот именно.

– Ты сумасшедшая, – добродушно сказал Олег. – Шизоидная личность с расщеплением сознания. Лично во мне никто не борется. Я – это я и есть, со всеми своими прелестями и недостатками. Человек – это гармония, нельзя выделять из нее составляющие.

– Ты просто не умеешь их выделять. Поэтому до сих пор

не смог устроиться по специальности. В твоих работах нет заряда энергии, нет уверенности в собственной правоте, поэтому ты пытаешься подражать другим – вольно или невольно.

– Ты мне это сто раз говорила! – отмахнулся Олег. – В работах должна быть не энергия, а профессионализм, и не хватает у меня именно его, а не какой-то выдуманной энергии. Технику можно выработать, только подражая другим, пробуя и примеряя к себе стиль мастера. Это в Крыму я тешил себя иллюзией, будто что-то умею, а здесь, в Москве, уровень оказался совершенно другим. Для меня пока недоступный. Мне надо понять принцип, которым руководствуется потребитель, собираясь платить за заказ. Понимаешь? Пробуя чужой стиль, я должен понять, почему на рынке ценятся творения именно этого мастера. А что до самой работы, так любую гармонию можно поверить алгеброй! Иначе у нас получится спонтанный выброс гениальности вместо ровного профессионального уровня. У меня просто нет времени над этим работать. Не очень-то думаешь о профессионализме, когда каждый день приходится думать о зарплате. Да и сама ты что-то не очень разбогатела...

– Разбогатею. Вот увидишь, – пообещала Шерстка.

– Это ты называешь уверенностью в собственных силах? – улыбнулся Олег.

– А что я, по-твоему, должна делать? Бросить все и устроиться продавщицей? Или лепить утилитарную попсу, кото-

рой заставлены городские парки? За нее платят нормально.

– И что плохого в хороших деньгах? – удивился Олег.

– Это халява! – Шерстка повысила голос. – Пустое разбазаривание собственной жизни, продажа ее по кускам.

– Ну, тут я с тобой не соглашусь. На мой взгляд, нет совершенно никакой разницы, продавать себя по кускам, делая медвежат в парке, или лепить монстров, которые нравятся только тебе.

– Значит, я леплю монстров? – прищурилась девушка.

– Это я фигурально. Не злись.

– Разница такая же, как между работником, нажимающим на педаль штамповочной машины, и кузнецом, плетущим неповторимую вязь решетки. На штампе ты тратишь жизнь, изготавливая не то, что придумал сам. А когда вкладываешь во что-то душу, она не пропадает, понимаешь? Часть твоей души, твоего огня остается в изделии, передается зрителю и живет в нем. И чем больше зрителей, тем больше в мире становится частиц тебя и ты сам становишься больше. В этом случае внутреннее содержание не убывает, а наоборот – прибавляется.

– Зато на штампе заработаешь больше, – уверенно ответил Олег. – Десять средних картин перекроют по стоимости одну хорошую.

– Неправда! – возмутилась девушка. – И сотня, и тысяча средних картин не будут стоить, как одна гениальная!

– Ах, вот ты о чем... – улыбнулся Олег. – Тогда не вижу

смысла в дальнейшей беседе. Гениальность – это вещь очень таинственная. Не случайно ее корни приписываются то богу, то дьяволу.

– Все божественное находится внутри человека. – Шерстка задумчиво пожала плечами. – Он сам себе бог, он творит мир внутри себя и выплескивает его наружу посредством искусства.

– И этим изменяет окружающее, – с усмешкой закончил Олег.

– Нет, – не моргнув глазом ответила Люда. – Ничего он не может изменить снаружи. Если бы произведения искусства могли изменить мир хотя бы выборочно, он был бы гораздо лучше, чем теперь. Нет. В произведениях искусства любой человек может найти лишь источник моральной энергии. А что он сделает с этой энергией, зависит только от него самого. Именно поэтому вход в музеи и на выставки платный – за любую энергию необходимо платить. Но если в скульптуре, в картине или в книге нет заряда энергии, то она похожа на использованную батарейку и место ей на помойке.

– С точки зрения архитектора – суровый подход. По-твоему, получается, что один дом, построенный гениальным мастером, лучше десятка многоэтажек, в которых поселятся тысячи людей?

– Ладно, поселятся. И что дальше? Что они сделают, эти люди?

– Ты действительно веришь, что в гениально построенном

доме вырастут гении? – Олег поднял брови, не скрывая иронии.

– А ты станешь отрицать влияние организации пространства на психику? Архитектура тоже организует пространство, образует его структуру, которая неизбежно отразится на поведении включенных в нее людей.

– Спорно все это, – с сомнением сказал Олег.

Шерстка промолчала.

Зажегся зеленый сигнал светофора, и машина двинулась дальше по кольцу, теснясь в плотном автомобильном потоке. От легкого укачивания и остаточного похмелья Олег почувствовал тошноту. В ушах снова зашумело противно и громко. Это напоминало звук ненастроенного приемника вблизи работающего мотора – стук, завывания, треск и щелчки. Перед мысленным взором помимо воли начали возникать замысловатые картинки, соединявшие в себе обрывки воспоминаний и совершенно абстрактные образы. Они были как-то связаны со звучащим в голове шумом, но по каким принципам строится взаимосвязь, Олег понять не смог. Пару раз мелькнула ажурная сфера из сна, отпечатавшись в сознании отчетливо и ярко. И вдруг голову пронзил страшный скрежет, болезненный, громкий и совершенно ни на что не похожий. А еще через секунду у водителя запищал мобильник.

– Что с тобой? – Шерстка испуганно распахнула глаза.

– Черт! – Олег скрючился на сиденье, зажав уши ладонями.

Звук внутри головы вызывал приступы почти физической боли, словно по нервам пропускали электрический ток. Водитель бросил испуганный взгляд в зеркальце заднего вида и прижал машину к обочине.

– Отключите мобильник! – истошно закричал Олег. – Пожалуйста!

Водитель, явно ничего не понимая, нажал кнопку и бросил телефон на сиденье. Звук пропал, боль постепенно стихала, но каждый удар пульса все равно вызывал волны неприятных ощущений.

– Вам плохо? – Водитель выключил двигатель.

Шорох и треск оборвались. Некоторое время в голове царил полная, опустошающая тишина, но проехавший мимо троллейбус разорвал ее сухим треском полыхнувшей искры.

– Я слышу радиоволны, – с трудом прошептал Олег.

– Братишка, ты меня пугаешь. – Люда склонилась над ним, ничего не понимая. – Какие к черту радиоволны?

– В голове, – попробовал объяснить он.

– Бредит. – Водитель уверенным движением распахнул дверцу. – Надо вывести его на свежий воздух.

– Да не трогайте вы меня! – возмутился Олег, откидываясь на спинку сиденья. – Я действительно их слышу. Искры, работу автомобильного зажигания, шум фена в эфире. Seriously! Не надо смотреть на меня как на психа! Перед тем как запищал телефон, я слышал, как он соединялся с базой. Жуткий шум, поэтому меня и скрючило.

– Этого быть не может! – недоверчиво проговорила девушка.

– Наверное, это из-за новой пломбы, – предположил Олег.

– Радиоволны? – Люда не могла понять, верить сказанному или нет.

– Кажется, я читал в журнале нечто подобное, – сказал водитель. – В Америке мужику поставили сначала мышьяк, а затем серебряную пломбу. На стыке двух материалов образовалось нечто вроде полупроводникового детектора, который переводит радиоволны в слышимый звук.

– Мне не ставили мышьяк. – Олег пожал плечами. – Поехали! Сколько можно стоять?

Запущенный двигатель отозвался в голове заунывными завываниями. Машина влилась в поток и набрала скорость.

– Все равно надо узнать у доктора, – сказала Шерстка. – Наверняка это связано с пломбой. До нее ведь все было нормально?

– Да. Сдery с него неустойку. – Олег мстительно стиснул зубы. – Зараза криворукая.

Водитель высадил их в Новых Черемушках, у знакомого подъезда длинного кирпичного дома. Шины взвизгнули, проскальзывая на снегу, красные огоньки стоп-сигналов исчезли за углом, и Олег с Шерсткой остались вдвоем в темноте двора.

– Холодно, – сказала Люда и поежилась.

Скрипя снегом, они дошли до дверей. Олег вызвал док-

тора по домофону и, дождавшись, пока тот откроет дверь, пропустил кухню вперед:

– Проходи.

Они поднялись на нужный этаж, где Виктор Абрамович уже ожидал их возле приоткрытой двери в квартиру. Заколка на его галстукке яростно сверкнула бриллиантом.

– Здравствуйте, – хмуро сказал Олег.

– Добрый вечер, молодые люди. – Доктор задержал взгляд на Шерстке, затем неохотно перевел его на Олега. – Это с вами?

– Да, – коротко ответил Олег.

– Ваше недовольство вызвано моей вчерашней работой? – спросил доктор.

– Вы удивительно догадливы, – буркнул Олег. – Или для вас это уже стало нормой?

– Отнюдь. Вы первый, поэтому меня и задело. – Доктор жестом пригласил пройти в квартиру. – Что-то серьезное? Кровотечение? Боли?

– Пломба шумит.

– Что, извините?

– Шумит. Переводит радиоволны в звук, который мне мешает.

Виктор Абрамович задумчиво поправил очки, закрыл дверь и указал на вешалку, где следовало оставить одежду. Когда Шерстка расстегнула шубку, он снова задержал на ней взгляд:

– Вы, пожалуйста, подождите в приемной. Вам подать чай или кофе?

– Кофе.

– Ирочка! – Виктор Абрамович повысил голос. – Поднеси мне инструмент и обезболивающее, а затем подай гостье кофе.

Олег разулся и направился вслед за доктором.

– Значит, радиоволны, – на ходу бормотал Виктор Абрамович. – Очень странно. Однако это легко проверить. Присаживайтесь. – Он указал на зубо врачебное кресло. – Видите ли, у меня есть прибор, доставляющий массу неудобств, – объяснил он. – Вообще-то это печка для сухой стерилизации инструмента, но, когда она работает, соседи жалуются на сбои в работе телевизоров. Сейчас мы можем использовать этот побочный эффект с пользой. Если пломба действительно улавливает радиоволны, вы с легкостью определите момент, когда я включу прибор.

Он замолчал, сделав длинную паузу. Олег расслышал, как глубоко в недрах здания включился механизм лифта, затем Шерстка что-то невнятно сказала в столовой, ей ответил другой женский голос. И вдруг в голове раздался визг, похожий на звук внедряющегося в бетонную стену сверла.

– Выключите! – не сдержавшись, крикнул Олег.

Звук тут же стих, оставив в голове оглушительную пустоту.

– Да. – В поле зрения появилось задумчивое лицо док-

тора. – Феномен действительно имеет место. Откройте рот, пожалуйста.

Олег подчинился.

– Не могу понять, что случилось, – вздохнул Виктор Абрамович, постукивая инструментом по пломбе. – Очень редкий случай, хотя медицине известно несколько подобных курьезов. Правда, все они были связаны с применением мышьяка. Здесь, по всей видимости, мы случайно столкнулись с аналогичными свойствами другого материала. Обязательно укажу это, когда буду писать мемуары. Так что попадете в историю, молодой человек. Но пломбу следует удалить. Я поставлю новую, из другого материала. И для начала я все же хочу закончить с удалением и мерками под протезы.

Пока доктор работал, медсестра принесла в приемную кофе, пачку журналов и пульт от телевизора.

Шерстка поблагодарила и сделала звук потише. На всякий случай. Чтобы слышать звуки, доносившиеся из кабинета. Новая работа Олега по-прежнему вызывала у нее нехорошее предчувствие, но понять причину беспокойства при помощи логики не получалось.

«Слишком много денег ему выдали, вот из-за чего я гружусь, – с неудовольствием подумала она. – А в Москве ничего не бывает даром. Но у приезжих слово «халява» почему-то не вызывает панического ужаса на уровне инстинктов, они еще не понимают, что заплатить все равно придется».

ся, только в самый неподходящий момент и по самой спекулятивной цене».

С другой стороны, Олег был самостоятельным человеком, имел полное право распоряжаться своей жизнью как ему вздумается, а также набивать необходимое количество синяков, без которых формирование личности все равно не обойдется. Но, даже понимая это, хотелось уберечь его от бессмысленных промахов.

«Черт бы меня побрал, – подумала девушка. – В конце концов, он мне не муж. Связался с Крыской, пусть она его и спасает».

Она старательно отогнала тревожные мысли, пинками вытолкнула последнюю и захлопнула за ней дверь. Все. Теперь лишь печать в паспорте жгла ей бедро через ткань брюк.

«До чего же сильны предрассудки, – фыркнула про себя Шерстка. – Этот штампик действует на подсознательном уровне, заставляя ощущать повышенное чувство ответственности. Чушь! Вся моя ответственность ограничивается отношениями кузенов. На этом предлагаю вопрос считать закрытым».

На экране мельтешил какой-то фильм, один из сотен почти одинаковых, где главной задачей положительного героя является поход по аккуратно расставленным в темноте граблям. Так он бредет примерно треть фильма, демонстрируя чудеса глупости, нерасторопности и недалекости. А когда все препятствия пройдены и шишки набиты, начина-

ются поиски нехорошего человека, расставившего эти грабли. На данном этапе герой моментально и, как правило, беспричинно умнеет. Завершается фильм неизменной дракой на заброшенном заводе, где в конце концов злодей нанизан на трубу, сброшен с высоты, упал в котел с расплавленной сталью, попал в устройство для дробления камней, задержан полицией – нужное подчеркнуть.

Шерстка поморщилась и пригубила горячий кофе. На другом канале шел очередной лохотрон для поднятия рейтингов, где очередная группа подготовленных актеров боролась за очередную миллион.

Года два назад на одной из выставок Люда познакомилась с парнем, работавшим на телевидении. За полгода знакомства и тусовок с его коллегами она здорово разочаровалась в популярных телепрограммах, оказавшихся сплошным надувательством. Она узнала, как и из кого готовят «победителей» телевикторин, почему так сложно дозвониться в студию во время программы и почему в прямом эфире ни один пьяный хулиган ни разу не ругнулся матом и ни один начинающий предприниматель не прорекламирал свою фирму.

Шерстка допила кофе и поискала канал, на котором транслируют новости.

Когда лечение было завершено, Виктор Абрамович сел на стул и записал что-то в толстой тетради с обложкой под кожу.

– Значит, работу по восстановлению ваших зубов я счи-

таю законченной. Удаление, пломбировка, частичное протезирование. Надеюсь, вы довольны?

– Вполне. – Олег уже забыл, что собирался требовать неустойку за неудобства, причиненные шумной пломбой. – Сколько я вам должен?

– За сегодняшний прием – двенадцать тысяч. Это специальная цена для особых клиентов. Но впоследствии я бы вам рекомендовал еще исправление прикуса и установку протезов на месте удаленных зубов.

– Вполне возможно, я очень скоро воспользуюсь вашим советом. Возьмите, пожалуйста.

Легкие деньги уходили удивительно безболезненно. Олег поймал себя на мысли, что всего несколько дней назад ужаснулся бы, если бы такая сумма только прошла через его руки. Теперь это казалось далеким и странным, не имеющим к нему ни малейшего отношения, словно всю жизнь до этого он жил так, как сейчас.

Олег уложил остаток денег обратно в карман, вышел в прихожую и позвал кухню:

– Поехали.

– Подожди. – Она выглянула из столовой. – Тут прикольные вещи по ящику передают.

– Поехали! – настойчиво сказал Олег. – У нас еще полно дел. – Он виновато глянул на Виктора Абрамовича. – Спасибо. До свидания.

– До свидания, – кивнул доктор.

Шерстка пожала плечами, оделась и вышла вслед за Олегом в подъезд, громко захлопнув за собой дверь.

– Какая муха тебя укусила? – поинтересовалась она уже в лифте.

– Мы же не телевизор смотреть приехали сюда. Мне и так не очень удобно, что я взял тебя с собой, не предупредив об этом Виктора Абрамовича.

– Он за это деньги получает, – пожала плечами Шерстка. – Я вот не хочу, чтобы у меня по квартире шастали всякие-разные, вот и не пускаю никого. А он хочет, чтобы к нему ходили, иначе он умрет с голоду. Так что не грузись.

– Извини. – Олег почувствовал, что она права. – А что там было по телику?

– Ты же не дал дослушать. Планету какую-то нашли в созвездии Лебеда, что ли.

– Может, еще передадут, – сказал Олег.

– Ладно, проехали. С тобой все нормально? Что-то ты бледный какой-то.

– Наркоз еще до конца не прошел, – отмахнулся Олег. – Зато теперь в голове ничего не шумит. Дело действительно было в пломбе.

– Ну и нормально. А у нас дома еще коньяк остался. Честно говоря, мне хочется сегодня выпить как следует. Умаялась я с дороги, охота расслабиться. Раз в полгода можно, наверное.

– Даже нужно, – усмехнулся Олег. – Особенно в Москве.

Дома я как-то обходился без этого, а здесь крышу начинает сносить.

Они вышли на улицу и почти сразу поймали машину. Начался густой снег, водитель включил «дворники». Свет фар сделался почти материальным, уплотнившись вихрящимся снежным мельтешением, печка гудела, распространяя по салону волны тепла. В сочетании с остаточным действием наркотика оно вызывало непреодолимую сонливость.

Сквозь навалившуюся полудрему Олег услышал голос Кристины.

– Позвони, когда устроишься, – сказала она. – Не экономь, заплати в поезде за постель, а то ехать больше суток.

Она была красивая, как всегда, в розовом махровом халате, раскрасневшаяся после горячего душа.

– Хорошо, – ответил Олег, чувствуя ни с чем не сравнимое возбуждение, предшествующее дальней дороге.

Он называл это состояние чемоданным, хотя никогда в жизни не брал с собой чемодана. В него просто нечего было укладывать – три смены белья, немного еды и альбом с работами. Все это легко умещалось в небольшой сумке с наплечным ремнем.

– Не забудь послать телеграмму на имя судьи, – напомнила Кристина. – Я в заявлении написала, что ты постоянно проживаешь в Москве, поэтому он обещал принять решение о разводе в твое отсутствие.

Олег ободряюще улыбнулся:

– Не беспокойся, все у нас будет хорошо. Я обещаю, что вытяну тебя из этой дыры, мне главное – прописаться и устроиться на работу. Так что следующий год встретим вместе. Ну, не вешай нос.

– Ладно, иди, а то опоздаешь. – В глазах Кристины читалась легкая тревога, перемешанная с затаенной печалью.

– Я тебе позвоню, – пообещал Олег. – С вокзала, как только приеду. У тебя есть Людкин телефон? Звони.

– Хорошо.

У Олега сердце заныло от грусти. Он коротко поцеловал жену в щеку, на миг ощутив упругость ее груди под халатом. Затем развернулся и вышел в подъезд.

Хлопнула дверь.

– Ты чего вздрагиваешь? – поинтересовалась Шерстка.

– А? – Олег выскочил из объятий дремоты. – Ничего. Принилось, будто оступился на лестнице.

Как и в прошлый раз, когда вспоминалась Кристина, автомобиль с выключенным мотором стоял на автозаправке. Олег помотал головой, отгоняя странное ощущение расщепления пространства, всегда сопутствующее таким вот случайным повторам реальности.

Водитель уплатил за бензин, заправился и уселся за руль, запустив двигатель. Машина свернула на Рублевское шоссе. Мимо пробежали угрюмые здания и освещенные окна торговых палаток, заснеженные улицы, темные переулки. Олег чуть вспотел в натопленном автомобильном салоне, и, когда

пришлось выходить из машины, ветер показался пронизывающим до костей.

– Пойдем скорее, – поторопил он Людмилу.

В подъезде они наткнулись на сердитую соседку, курившую у окна.

– Опять шляешься среди ночи? – буркнула она Шерстке. – Сколько же можно водить мужиков? Шлюха вонючая.

Сама она еле держалась на ногах от выпитого. Олег вскипел, сжал кулаки.

– Пойдем. – Шерстка потянула его за руку, заметив, как он напрягся. – Она же пьяная в дым. Не обращай внимания.

– Кем ты меня назвала?! – Соседка попыталась схватить девушку за рукав, но та легко уклонилась и потащила Олега по лестнице на третий этаж.

Желая поскорее уйти от скандала, Олег повернул ключ в замке и впустил Шерстку в квартиру. Едва он закрыл за собой дверь, как снаружи раздались могучие удары.

– А ну открой, сучка! – проревел за дверью могучий бас. – Ты мою бабу пьянью назвала?

– Я вызову милицию, – предупредил Олег.

Рассказывали, что сосед несколько лет просидел в тюрьме, но, за что именно, никто точно не знал.

– Я тебя раньше придушу! – Сосед грохнул ногой в косяк, но дверь была крепкой.

Минуты две он еще побранился, пофыркал, словно дворовый кот, распаленный схваткой, но наконец остыл и ушел

в свою квартиру.

– Иногда хочется иметь пистолет, – признался Олег, разуваясь у вешалки. – Сунуть такому уроду под нос и наблюдать, как его колотит от страха.

– Разве этим что-то изменишь? – поинтересовалась Люда.

– Изменишь. Один раз он обгадит штаны, в другой уже не будет наезжать на соседей.

– Будет, причем еще хуже и злее, – вздохнула она, – вымещающая злость на тех, у кого нет пистолета. Человека невероятно трудно заставить почувствовать себя побежденным. Проще убить.

– Так что же, сесть на задницу и ничего не делать? – фыркнул Олег.

– Чаще всего это бывает лучшим решением. Такие уроды, как правило, сами себя наказывают. Никогда не замечал?

– Нет.

– Это ты просто мало пожил в Москве.

– Нет. Это ты слишком серьезно воспринимаешь всяких буддистов и даосов.

– Нет. Я без всяких буддистов верю, что, пока я сама ни в чем не ошибусь, никакие несчастья меня не одолеют. Побеждает безупречность, а не сила и хитрость.

– Упадническая философия, – не согласился Олег. – Не выходи на улицу, и машина тебя не задавит.

– Ты передергиваешь, – усмехнулась Людмила. – Не шелкай клювом, будь внимательнее, не напивайся на улице, и

тогда машина тебя точно не задавит.

Олег вспомнил предыдущую ночь.

– Ну, уж не знаю. – Он пожал плечами и прошел на кухню. – Если тебя грабят, то виноваты грабители, а не ты.

– Кстати, о выпивке. По-моему, пора пропустить по стаканчику, – заявила Шерстка.

Олег был совершенно не против. Он откупорил бутылку и разлил коньяк по бокалам. Выпили. Олег откусил маленький кусочек бутерброда с икрой и проглотил не разжевывая, боясь вызвать новое кровотечение.

– Нормальный коньяк. – Люда прислушалась к своим ощущениям. – Не левый. Тебе завтра на работу еще не идти?

– Завтра ночью, так что за день я успею вполне прилично отоспаться. На приведение себя в порядок мне дали две ночи. Завтра буду звонить и докладывать.

– Прямо как в сказке, – усмехнулась Шерстка. – И дал ему грозный джинн три ночи на размышление.

– Две. И не будет никаких размышлений, – поправил Олег, расслабленно облокотившись на спинку стула. – Лучшей работы я все равно не найду, а без денег устал.

– Ну и ладно. Хотя, если бы ты устроился по специальности, я бы больше обрадовалась. Ты совсем перестал заниматься. Когда в последний раз брал в руки линейку и роллер? Признавайся.

– Давненько. Линейкой сейчас никто не пользуется, Шерстка. Сейчас все работают на компьютере.

– Ну, вот и купи. У тебя же теперь куча денег!

– Ну и куплю! – воскликнул Олег. – Только не с этой полочки, а со следующей.

Шерстка намазала икру на хлеб и задумчиво откусила.

– Когда редко выезжаешь за пределы Москвы, другие города начинают казаться чем-то не очень реальным, – непонятно к чему сказала она. – Там жизнь совершенно другая.

– Ты мне это рассказываешь? – усмехнулся Олег. – Я всю жизнь прожил в этой нереальности.

– Да... – вздохнула кузина и предложила: – Пойдем в мою комнату, посмотрим что-нибудь по телику. Хочется информации и каких-нибудь новостей.

Забрав с собой продукты и выпивку, они перебрались в Шерсткину комнату. Обстановка здесь была более чем скромной – шкаф, телевизор, кровать, низкий столик, сидеть за которым приходилось прямо на толстом бордовом ковре. Остальное место вдоль стен занимали полки, заставленные скульптурами. Шерстка не ограничивала своих фантазий. Олег окинул взглядом шеренги причудливых тварей: рыбу с аквариумом вместо туловища; тело женщины, сплетенное из клубка змей; мужчину с половым органом вместо головы; детишек-роботов; задумчивого юношу, сидящего на цепи возле дома; собаку, больше похожую на решетчатую ограду.

– И откуда ты такую бредятину придумываешь? – в который раз восхитился Олег. – Круто!

– А чего тут особенного? Она сама мне в голову лезет. Только успевай шлепать.

Шерстка взяла пульт и включила телевизор.

– О, как раз ночной выпуск! – обрадовалась она. – Может, повторят про планету.

Диктор говорил о проблемах, связанных с сокращением ядерных вооружений.

– Когда-нибудь это сокращение нам выйдет боком, – буркнул Олег.

– Тебе не все равно? – удивилась кузина. – К твоему мнению точно никто не прислушается, так что расслабься. Политика вредно влияет на кровяное давление. Особенно под коньяк.

– Это не политика. Если нам, не дай бог, что-то или кто-то начнет угрожать из космоса, мы еще вспомним эти уничтоженные ядерные заряды. Вот ты говоришь, открыли планету. А вдруг она обитаемая?

– Ты точно ненормальный. – Девушка долила в бокал коньяку. – Можно подумать, ядерные хлопушки помогут нам справиться с существами, преодолевшими бездны Вселенной. Не смейся меня.

– Водородная бомба – это хоть какой-то ответ.

– А смысл?

– Ты женщина. – Олег выпил и закусил бутербродом. – Тебе не понять, что значит жажда справедливого возмездия. Я вот никогда не мог понять, почему в концлагерях люди стро-

ем шли в печи крематория вместо того, чтобы попытаться всей толпой прорваться через ограждения, перебить охрану и сбежать. Какая разница, как умирать? А так есть хоть мизерный, но шанс.

– Всегда есть разница, как умирать, – сказала Шерстка. – Но я женщина, так что мое мнение в этом вопросе вряд ли учитывается.

– А если я его все же учту? – Такая манера вести дискуссии очень часто раздражала Олега.

– Большое спасибо, – съязвила девушка. – Я не была в концлагере, но могу представить состояние психики, при котором человеку не хочется сражаться, поскольку жизнь давно уже стала синонимом бесконечного страдания. Хочется умереть быстро и безболезненно, а не получить очередь по ногам или быть разодранным сторожевыми собаками.

– Страшно это. – Олег почувствовал подступающее опьянение.

После третьей порции коньяка последние остатки похмельной депрессии сдали позиции и растворились в глубине подсознания. Беседа пошла веселее.

Диктор закончил рассказ о новом законе, регулирующем продажу бензина в Москве.

«А теперь о сигнале из космоса, принятом американскими астрономами, – сообщил он. – Недавно открытая планета в одной из звездных систем созвездия Лебедя неожиданно проявила активность. Вчера, около полудня по москов-

скому времени, двенадцатиметровый радиотелескоп Национальной обсерватории Китт-Пик в штате Аризона принял с нее загадочный радиосигнал. Подробности в интервью сотрудника обсерватории Давида Веллингтона».

На экране появился молодой человек в белом халате поверх синей униформы. Он начал говорить по-английски, а женщина-переводчик, спеша и запинаясь, за кадром переводила его слова на русский язык.

«Этот сигнал мы приняли из созвездия Лебедя. Он удивительный по мощности и широте спектра. Сейчас мощные компьютеры Национальной обсерватории справляются с задачами анализа полученного сигнала. Но уже сейчас можно утверждать с большой долей уверенности об искусственном происхождении сигнала. Возможно, он является вестью от наших братьев по разуму с далеких звезд. Мы делаем ставку на расшифровку сигнала, который может содержать бесценные сведения для человечества о технике и образе жизни далекой цивилизации».

На экране снова появился диктор.

«Американцы предоставили всем крупным телекомпаниям мира короткий фрагмент звукового эквивалента полученного сигнала. Сейчас вы получите возможность услышать звук, почти наверняка отправленный разумными существами».

Комната заполнилась типичным фоном радиопомех, сквозь который пробивался едва слышный писк, похожий на

далекие выкрики чаек. И вдруг, словно невидимый дирижер взмахнул палочкой, раздался мощный звуковой аккорд.

– Впечатляет, – шепнул Олег.

Звук начал переливаться, дробиться, вызывая не столько слуховые, сколько зрительные ассоциации. Он напомнил дрожание переплетающихся и извивающихся стеклянных полос. И вдруг все смолкло.

«Американская сторона, – продолжил диктор, – отказалась предоставить кому бы то ни было полную запись, видимо, опасаясь, что она может содержать чрезвычайно важную информацию, доступ к которой американское правительство намерено контролировать. Остается загадкой, почему космический сигнал был принят только на телескопе Китт-Пик...»

Олег невнятно хмыкнул и отпил из бокала.

– Очень вовремя мы собрались разоружаться, – сказал он. – Что у этих «братьев по разуму» есть еще, кроме мощных передающих средств? Плазменные орудия? Гравитационные пушки? Антигравитационные приводы?

– Какой-то странный у тебя подход. – Девушка пожала плечами. – С чего ты взял, что они обязательно должны причинить нам вред?

– А разве когда-нибудь было иначе? Взять хотя бы вторжение конкистадоров в Америку. Чем не другая цивилизация? Их техническое превосходство над индейцами было подавляющим. И что вышло? Где теперь индейцы? Превосходя-

щая технология всегда стремилась подавить менее развитую, прибрав при этом к рукам большую часть полезных ресурсов. Так было уже много раз – и в Америке, и в Африке.

– Сопротивление еще никого не спасло, – покачала головой Шерстка. – Сильный рассеивает свою энергию, завоевывая новые территории, а побежденный живет за счет этой энергии. Главное – не сопротивляться. Ну и потом, если они такие развитые, то у них и мораль должна быть выше.

– Да? А по-моему, чем более высоко развита страна, тем меньше она ценит чужую жизнь. Какая страна убила больше всего иностранцев двумя атомными ударами и бесчисленными неядерными бомбардировками во славу демократии?

Люда не ответила, задумчиво гоняя по столу стакан.

– То-то же.

– По-твоему, инопланетяне всегда будут только враждебны? – нахмурившись, спросила она. – Мне не хочется в это верить.

– При первой встрече – несомненно. Не думаю, что кто-то собирается преодолевать межзвездные расстояния из чистого альтруизма.

– От твоих прогнозов у меня мурашки по коже. – Она передернула плечами. – Ожидание иногда страшнее реальности.

– Думаю, наши засекут их издалека, – Олег попробовал успокоить Люду, – и примут меры. Абсолютно все водородные бомбы никто на свалку не отправит. Кроме того, пре-

одолевать межзвездные расстояния – непростая задача. Одно дело – послать в космос сигнал, и совсем другое – отправить сюда крейсера.

– А мне кажется, что без определенного морального уровня невозможен прогресс, – стояла на своем Шерстка. – И та страна, которую ты привел в пример, еще убедится в этом на своем горьком опыте. Так было с Германией, так было со всеми, кто пытался захватить чужое. Они рассеивались на тех территориях, которые оккупировали. Посмотри, дети конкистадоров больше похожи на южно-американских индейцев, чем на испанцев.

Олегу очень хотелось закончить тему на этой оптимистической ноте, но воображение помимо воли рисовало приближающиеся сквозь пространство армады боевых крейсеров.

«Если что, нас сомнут, как щенков, – подумал он. – Она права, нам не помогут никакие водородные бомбы».

– Вообще-то люди ведут себя как дебилы. – Он посмотрел сквозь бокал на свет. – Отправили во все концы Вселенной инструкции по собственному уничтожению...

– Ты о чем? – не поняла Шерстка.

– О «Пионерах» и «Вояджерах». В них вкладывали специальные золотые таблички с гравировками: как человек выглядит, чем питается, из каких веществ состоит, что слышит, как видит. Получается, что мы о потенциальном враге не знаем ничего, а он о нас – почти все. Американцы туда еще положили диски с записями голосов птиц, с классическими

композициями и прочей белибердой. Можно подумать, инопланетянам больше делать нечего, только птичек слушать. Вот над эффективным ядом или вирусом они наверняка задумаются.

– Тебе бы в бюро прогнозов работать, – невесело усмехнулась Люда.

– Это еще почему?

– Потому что их прогнозы не исполняются. От твоих требуется то же самое. Я еще знаешь о чем подумала?

Олег изобразил заинтересованность.

– Зачем они послали этот сигнал? – Шерстка отпила еще глоток коньяку. – Тебе не кажется это странным?

– Ну... Честно говоря, я об этом не думал.

– А я вот подумала. Если принять во внимание твою теорию о несомненной враждебности инопланетного разума, то зачем им с нами связываться? На их месте я бы просто отправила капсулу с вирусом.

– Может, они ничего не знают о нас, – пожал плечами Олег. – Ну, не поймали ни «Пионер», ни «Вояджер». Ноль информации. Знаешь, что бы я сделал в подобном случае?

– Очень интересно.

– Я бы сформировал определенную дезинформацию о собственной цивилизации, занизив при этом данные о военной мощи. Затем отправил бы ее намеченному адресату и стал ждать. Как ты думаешь, чем ответит адресат?

– Ха! – Шерстка поставила на столик недопитый бокал. –

Похоже, братишка, ты ответил на мой вопрос. Конечно, земляне в знак межпланетной дружбы отправят ответный сигнал, содержащий сведения о себе. И, судя по «Пионерам» и «Вояджерам», он будет содержать реальную информацию, а не дезу.

– Вот именно! Нечто вроде троянского коня, только с присущими новым технологиям заковырками. Нате вам подарок. А потом бац! По ушам, по ушам!

– А кто знает, что отправили на этих «Вояджерах»? Ты читал?

– Нет. Но ведь говорили по телику.

– По телику много чего говорят. Налоги-то надо собирать...

Олег выпил до дна, украдкой задержав взгляд на ногах кузины, обтянутых тканью джинсов. Она то ли почувствовала это, то ли увидела в отражении на телеэкране.

– Похоже, прошлой ночью тебе действительно не повезло, – повернувшись, усмехнулась Шерстка.

– Что? – покраснел он.

– Ты смотришь на меня так, будто не был с женщиной полгода.

– Больше, – само вырвалось у Олега.

– Странно слышать такое от женатого человека, – сказала Шерстка. – Молодая жена, не красавица, но и не уродина. Сам такую выбрал. Или она тебе из принципа не давала? Или ты провинился в чем?

– Это отдельная история, – отмахнулся Олег, чувствуя невероятное желание выговориться, выплеснуть застоявшуюся обиду. Но говорить с кузиной о своих сексуальных проблемах казалось чем-то на грани инцеста – особенно учитывая возбуждение, сопутствующее любой попытке завязать такую беседу.

– Я бы послушала, – хитро улыбнулась девушка, усаживаясь удобнее. – Мы же никуда не спешим.

– Отстань, – фыркнул Олег.

– Ну, как хочешь. А я все равно догадалась. Дело не в ней!

– А в чем? – Олег смутился и покраснел еще больше.

– В тебе! – злорадно улыбнулась кузина. – Это у тебя проблемы! Ха-ха!

Она показала ему язык и долила себе коньяку.

Олег от смущения опрокинул бокал целиком и занялся остатками икры. Опьянение уже не становилось сильнее, оно замерло на каком-то стабильном уровне. «Платофаза, – подумал Олег и тут же смутился, уловив сексуальный аспект этого слова. – Фу, черт! Одни и те же мысли крутятся в голове».

Шерстка вытянула ноги и разлеглась на ковре.

«Надо идти спать», – подумал Олег, не в силах оторвать взгляда от ее стройного тела.

– Надо идти спать, – повторил он вслух.

– Вали, – фыркнула Шерстка. – Я тебя приютила, запятнала свою личную жизнь фиктивным бракосочетанием, про-

писала тебя к себе в квартиру, затем подала на развод, что тоже не плюс моей женской чести, а тебе в падло рассказать мне по секрету о своих проблемах.

– Я стесняюсь, – признался Олег.

– А ты еще хлопни, – добродушно посоветовала Шерстка.

Он запнулся, не зная, стоит ли говорить об основной причине.

– К тому же такие разговоры меня возбуждают.

– Ага! Возбуждают! Значит, ты не безнадежен! – обрадованно воскликнула кузина. – Что, и я тоже?

– Слушай, перестань издеваться! Меня уже с полгода возбуждают все женщины подряд.

– Нет, скажи честно – Кристина тебе ни разу не дала за два года супружеской жизни?

Олег промолчал.

– Ни фиги себе! – Шерстка удивленно перевернулась на спину и качнула головой. – Надо же! За два года ни разу! Вот это женщина! Как же ты жил с ней все это время?

– С трудом, – признался Олег.

– Но что-то же вас удерживало вместе!

– Я ее люблю. Сексуальные проблемы не могут быть поводом для развода, когда между двумя людьми установились взаимное уважение и любовь.

Шерстка вытаращила глаза от изумления.

– Секс без любви бывает, когда очень хочется, но вот любовь без секса – это уже нечто экзотическое, на грани извра-

щения. Ты меня удивляешь, братишка.

– Ты ни фига не знаешь, – отмахнулся Олег.

– Вот и рассказал бы.

– У нас физическая несовместимость! – выпалил он.

– Это как? – не поняла кузина, удивленно распахнув глаза. – У нее что, нет влагалища? Или у тебя...

Она с интересом взглянула на его брюки, пытаясь представить размеры детородного органа.

– Есть у нее влагалище, но маленькое! – Олег начал нервничать из-за того, что ему пришлось объяснять так подробно. – У меня значительно больше средних размеров, а у нее значительно меньше. Доступно? Ей больно, когда я пытаюсь сделать это, как делают все.

– Она тебя разводит! – уверенно сказала кузина. – Блин, ты дожил до двадцати семи лет и не знаешь, что любые мышцы способны растягиваться. А как бы женщины рожали? Она просто тебя не хочет, а когда женщина делает это без желания, ей всегда больно, независимо от размеров.

– Она тебе не нравится, вот ты на нее и гонишь, – разозлился Олег.

– Да она просто идиота из тебя сделала! Посмешище! Вспомни, какую она истерику устроила, когда я приезжала прошлым летом. Помнишь, мы поехали с компанией на пикник и она наехала на тебя за то, что ты на природе, у костра, под шашлык, выпил полстакана сухого вина! Подумай! Полстакана! Какая ерунда! И она орала, как ненормальная!

– У нас с ней был уговор, – объяснил Олег. – И я его нарушил.

– Но это же не значит, что она может тебя публично унижать при твоих друзьях! О какой любви тут может идти речь?

– Мы с ней уже черт-те сколько знаем друг друга, – объяснил Олег. – Это кое-что значит, можешь мне верить. Иногда прочность отношений бывает дороже пылкой страсти. На Кристину можно положиться, и она ни разу меня не подставила. Она не просто жена, а настоящий боевой товарищ. Друг с большой буквы. Такой брак намного прочнее, чем основанный только на сексуальных привязанностях.

– Поэтому ты и смотался в Москву?

– Ты же знаешь, зачем я приехал, – возмутился Олег. – Там невозможно жить по-человечески! Я устроюсь, сниму квартиру, перевезу в нее Кристину, и все у нас будет нормально. В последнем письме она написала, что, как только приедет сюда, ляжет на операцию, после которой мы забудем о всякой несовместимости.

– Ладно, не злись. – Шерстка пожала плечами. – Может, я действительно чего-то не понимаю. Но слушай, если ты ее любишь, то отчего у тебя помада на белье после ночных походов?

– Ну что за манера постоянно пытаться объединить любовь и секс? – пожал плечами Олег. – Как-то ведь надо удовлетворять половые потребности.

– Странные у вас отношения, честно тебе скажу. Я могу

представить, как можно трахаться с кем ни попадя, если никого не любишь, или любить кого-то, пока еще о сексе и речи нет. Но как можно любить одного человека, а трахаться с другим?

– Ты просто не в состоянии разделить эти чувства. – Олег допил коньяк.

Бутылка опустела наполовину.

– А они разделяются? – удивилась кузина.

– При определенном уровне взаимопонимания.

– И какой же это уровень?

– Как у нас с Кристиной. Я ей сознательно изменил лишь однажды, поскольку вчерашнее явно не в счет, если вообще что-то было. Я так напился, что ничего не помню. – Олег поморщился. – А тогда я ей именно изменил, причем сознательно, через полгода после свадьбы. Сил терпеть уже не было, а у Кристи была подруга, с которой мы троим то и дело проводили время – ходили в лес и на море. Мне показалось, что я ей нравлюсь. Кристина тогда работала менеджером в страховой фирме, и ее отправили в Киев в командировку. Я остался один на целых четыре дня.

– Могу себе представить, – усмехнулась Шерстка.

– Подружка позвонила мне, спросила Кристину, я объяснил, что жена уехала. Предложил приехать. Ну и...

– Подробности можешь опустить. – Люда опустила глаза. – Чем все это кончилось?

– Мне было стыдно. Ощущения от настоящей близости

оказались во много раз сильнее, чем я мог себе представить, но оставили в душе какую-то грязь, что свело к нулю все удовольствие. Я мучился несколько дней, мне было страшно, что мой проступок каким-то образом станет известен жене. Так прошло несколько совершенно ужасных дней. При встрече подружка улыбалась мне, Кристина это видела, и мне казалось, что по этой улыбке можно понять все на свете. У меня чуть крыша не съехала. В конце концов я не выдержал и рассказал обо всем Кристе.

– Достойный поступок.

– Ты думаешь, она накричала на меня? Обиделась? Нет! Она спросила, было ли мне хорошо.

– Офигеть, – не поверила девушка.

– Я рассказал все как было, и Кристина меня поняла. Она сказала, что поскольку я не получил удовольствия с другой женщиной, то ничего страшного не произошло. Вот если бы я влюбился в ее подругу, Кристина бы не пережила. Она хочет всегда оставаться единственным предметом моего обожания. А секс – это мелочи, так она считает. Тем более один раз. Она и с подругой не стала ссориться из-за этого. Но, правда, мы все равно расстались. Подруга стала звонить и доставать меня. Устраивала сцены...

– А тебе не приходило в голову, что она могла влюбиться в тебя? – спросила Шерстка со вздохом. – Она же не знала, что ты просто так. Почесать.

– А зачем? Я ничего ей не обещал...

– Вы оба психи сумасшедшие. – Люда повертела пальцем у виска. – Это отвратительно, неужели ты сам не видишь? Ужас. Мерзость какая-то. – Она брезгливо передернула плечами.

– Ты же сама хотела услышать.

– Фу. Не хочу больше знать об этом. У меня такое ощущение, будто я ко всему этому физически прикоснулась.

Она залпом выпила полбокала коньяку.

– Ты сгущаешь краски. – Олег пожал плечами. – Может быть, я просто неправильно передаю свои чувства. Не знаю.

Сухо затрещал звонок телефона.

– Кажется, межгород, – прислушалась Шерстка. – Неужели Крыська, легка на помине?

– Блин! – испуганно замер Олег. – Если она, меня нет. Устраиваюсь на работу или что-то в этом роде. Она меня пьяным сразу вычислит!

– Не будь таким трусом! Я что, должна решать ваши семейные проблемы?

– Ну, пожалуйста! – взмолился Олег. – Один раз. Очень тебя прошу.

– Ладно. – Люда хмуро подняла телефонную трубку. – Алло. Да, привет. Его сейчас нет. Я не знаю, он сказал, что устраивается на работу. Знаешь, дорогая, следить за ним я не занималась. Понятия не имею, когда он придет. Нет, уже поздно, позвони завтра. На ночь я отключаю телефон. Слушай, я-то в чем виновата? Позвони завтра и разбирайся с

ним сама. Все, пока.

Шерстка брезгливо опустила трубку на рычаг.

– Чудовище, – фыркнула она. – Честно тебе скажу, бра-тишка, я не одобряю твой выбор.

Олег молчал, уши у него покраснели от стыда, на душе было гадостно.

– Извини, – еле слышно произнес он.

– Ладно, – отмахнулась кузина. – На завтра готовь отмазку, она будет звонить. Интересно все же, как она умудрилась настолько подавить тебя? Другой послал бы ее ко всем чертям, перекрестился и забыл.

– Я ее люблю, – упрямо ответил Олег. – Я не могу представить, как я буду жить без нее...

Опьянение перестало приносить удовольствие, собравшись в голове пеленой спиртового пара. Отчетливо представилось, как кровеносные сосуды разносят спирт по клеткам мозга, а те судорожно пытаются избавиться от всепроникающего яда.

– Ладно. Давай спать, – предложила Шерстка и устало поднялась с ковра.

Олег помог ей убрать посуду и остатки еды, затем умылся и скрылся за дверью отведенной ему комнаты. Выключил свет и лег на диван.

Сон не шел, Олег ворочался с боку на бок, борясь с накатывающими волнами тошноты, словно попал в шторм на небольшом теплоходике. Шторы на окне скрывали звезды.

В мозгу метались фантазии, воспоминания, странные видения. Они словно зациклились, повторяясь через определенные промежутки времени. Вместе с мысленными картинками менялось состояние – то накатывала тревога, когда представлялись завтрашние разборки, то стыд, когда мелькали воспоминания о вчерашнем, то возбуждение, когда Шерстка перед мысленным взором сидела на ковре в расслабленной позе.

Перед глазами все вертелось, словно карусель из радостных детских снов. Олег перевернулся на другой бок. За иллюминатором режущего волну теплоходика кричали чайки. Но их выкрики звучали не хаотично, а упорядоченно, будто равномерный скрип тележного колеса. Так и представлялась медленно заползающая на холм телега, запряженная парой волов. Колесо поскрипывало, в траве шелестел ветер, а возница что-то монотонно напевал тихим унылым голосом.

Один раз Олег проснулся и сходил в туалет, но звуки из сна продолжали звучать в голове, словно их транслировали по радио.

«Неужели дело было не в пломбе?» – подумал Олег, но, прислушавшись к своим ощущениям, понял, что в голове раздается не звук, а лишь воспоминание о шуме, звучавшем в ушах прошлой ночью.

Он улегся и натянул одеяло до подбородка.

«Глючит», – решил он.

«Глю-чит, глю-чит, глю-чит...» – поскрипывала несма-

занная ось.

Казалось, можно разобрать строчки песни, которую напевает возница, но от чрезмерного усилия Олег заснул, так ни слова и не запомнив. Во сне он увидел себя на верхушке фонтана, с вытянутыми к звездам руками, а вокруг клумбы, поскрипывая, кружила телега, запряженная парой волов. Изредка унылая песня прерывалась щелчком кнута. Ажурная конструкция по-прежнему висела в воздухе, скрывая в себе какую-то важную тайну. Тайна была именно в изгибах, в расположении спиралей, и Олег не мог понять, что же именно зашифровано в странной фигуре. Геном человека? Формула эликсира бессмертия? Или состав мази, делающей человека невидимым?

ГЛАВА 3

За огромным столом в конференц-зале NASA народу становилось все больше. Подходили генералы в синей форме, с наградами на груди; строго одетые женщины, уже давно забывшие о своей принадлежности к прекрасному полу; молодые мужчины в штатском. На стене перед столом висела звездная карта Северного полушария. Миловидные девушки в черных платьях и белых передничках деловито выставляли на стол стаканы и бутылки с минеральной водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.